

Военные
Приключения

ПО СЛЕДУ КАИНА

Вячеслав Павлович Белоусов
По следу Каина
Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10674694
По следу Каина / Белоусов В.П.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-1261-9, 978-5-4444-7774-8

Аннотация

Гражданская война давно закончилась, но ее кровавый след протянулся на многие десятилетия... Роман «По следу Каина» повествует о расследовании старшим следователем Павлом Федониным и его коллегой Данилой Ковшовым запутанных и сложных обстоятельств убийства архиепископа Астраханского Митрофана, расстрелянного чекистами в 1919-м по обвинению в контрреволюционном заговоре и попытке отравления цианистым калием членов Ревкома во главе с С.М. Кировым.

Содержание

Часть первая	4
Глава I	5
Глава II	6
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	19
Глава VII	23
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	31
Глава XI	32
Глава XII	36
Глава XIII	39
Глава XIV	42
Часть вторая	46
Глава I	47
Глава II	49
Глава III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Белоусов

По следу Каина

Посвящается Аксентию Малицкому, Виктору Баранову, Александру Коневу, Евгению Попову, Людмиле Маскаевой, Тамаре Смирновой, Якову Котляру, Владимиру Киселёву, Павлу Свистуле и другим моим коллегам и товарищам тех времён, когда в 1987 году по указанию правительства и руководства Генеральной прокуратуры мы начали проводить почетную и благородную работу по реабилитации жертв политических репрессий

*И отвечая, весь народ сказал:
Кровь Его на нас и на детях наших.*

Евангелие от Матфея

Часть первая

, в которой известный коллекционер Дмитрий Филаретович Семиножкин претендует на главное действующее лицо, однако вместо этого становится первой жертвой таинственных и трагических событий

Глава I

Нам только исполнилось по двадцать пять, и это было чудное время.

Ещё не извёлся бесшабашный дух Никиты Сергеевича Хрущёва и не успел заматереть в новом кресле Леонид Ильич, а про Юрия Владимировича в такой глухомани, как наша, не только не слыхали, но ещё и не догадывались. Наоборот, как сейчас помню, я даже особо не удивился, когда однажды в обеденный перерыв, мчась в пирожковую, был окликнут добродушным басом и застыл, задрав голову: надо мной в верхотуре на подвесных лесах два удальца зубилом и молотком крушили с фронтона хмурого здания огромный барельеф с изображением вождя народов. Задумавшись, я второпях заскочил в отгороженную ленточками зону и едва увернулся от сыпавшихся осколков. Уже без усов и глаза вождь утратил былую свирепость, испуганно таранился оставшимся оком, не зная, куда деться от стыда и позора.

Оттепель, про которую обмолвился модный писатель, отогрела некоторым души в столице и забылась, а на окраине, в наших местах, она ещё продолжала буйствовать, обратившись в настоящую весну. И остановить её или не смогли, или не догадались, а, может быть, и побаивались. Тайное становилось явным, разоблачения следовали за разоблачением, откровения будоражили, взрываясь искрами ожидаемых ещё более ярких перемен.

Именно в те времена особенно известен стал старший следователь Павел Федонин. Когда меня перевели в аппарат прокурора области, слава о нём гремела, как говорится, далеко за её пределами. Дела он подымал самые что ни на есть гиблые, запутанные, сложные; хитро и умело скрытые, попадая в его руки, они становились тем, чем были в действительности: грандиозно организованным, годами длившимся воровством народного добра, коварными хищениями миллионов и миллионов государственных средств. И, конечно, ужасно скандальными. Он арестовывал и передавал в суд не каких-то там упырей-мокрушников, а личностей с почтенными физиономиями при солидных портфелях, которые в городе были у всех на виду, рядом и вокруг того стола, куда простому люду с Криуш, Селений и Больших Исад ни носом, ни глазом.

Газетки тогда выпускались редко, без специального разрешения об этом не писалось, но кое-что каким-то образом просачивалось, а остальное узнавалось по утрам в очередях и разносилось на кухнях многосемеек. Молниеносно обрастая домыслом и фантазией, молва разлеталась по городу, обретая величины снежного кома, пущенного с горы в знатный снегопад. Известный парадокс – слухи, словно птицы, мчатся, опережая средства связи. А всё тайное, запретное усваивается взахлёб, и попробуй возрази Нюрванне на углу Советской у водочного или поспорь с самой Фирюзой в забегаловке на Татар-базаре!

И в аппарате авторитет Федонина был высок и непререкаем. Прокурор следственного отдела, такой же новичок, как и я, Сашок Толупанов переставал курить и прятал сигарету в рукав в его присутствии, грозная завканцелярией Светлана Дмитриевна у кабинета старшего следователя замирала и шествовала по коридору на цыпочках, поэтому представьте моё состояние, когда однажды я очутился с ним самим в приёмной, приглашённый по неведомому вопросу к прокурору области...

Глава II

Понимал ли я, хотя бы как сейчас, всё, что происходило вокруг тогда? Вряд ли. Что было за моими крутыми плечами?.. Школа с пионерской организацией, когда в лагере труда и отдыха каждое лето выходил я, слывший круглым отличником, в белых штанах и такой же рубахе на линейку с тяжелым вырывающимся из рук, раскачивающим меня знаменем, и под лихой барабанный бой и бравую песню:

Мы шли под грохот канонады.
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперёд продвигались отряды
Спартаковцев смелых бойцов... —

проносил его мимо завистливых шеренг сверстников.

Далее следовал техникум с комсомольской дружиной и остроглазой Зосей Храпуновской, честно охотившейся за нами в поисках членских взносов и бесконечных отчётов: а что ты сделал на ниве общественного фронта для достижения славных побед над заклятым и загнивающим оплотом мирового империализма Соединёнными Штатами Америки? Прячась в общежитии, вместо горна и барабана под гитару Пинча, Шурика Парафильева мы разучивали в заветной комнатке Зинки Семёиной лукавые песенки чудаковатого грузина Булата:

Любят девушки поэтов,
С них они не сводят глаз.
О, доверчивые души,
Берегитесь нас!..

А потом институт с бойкими регулярными и почти настоящими стройотрядами, где обязательно находился разудалый бородач, заманивающий к полуночному костру:

Ты что, мой друг, свистишь?
Мешает жить Париж?
<...>
Отсюда никуда не улетишь.
Быстро здесь нет пока,
Чай вместо коньяка.
И перестань, не надо про Париж...

Вот и весь багаж. Вы оцените – немало. Как сказать... Мы, конечно, умели блеснуть заумными выкрутасами из фолиантов Адама Смита или Бертрана Рассела, на учебных вечерах поражали педагогов знанием Фрейда и Ницше, трудов которых было не найти, а чтобы наши девчонки крепче прижимались на танцплощадках, пугали их мрачными предсказаниями Нострадамуса или, хуже того, монаха Мальтуса, вставляя ради особого шика какую-нибудь французскую фразочку или вызубренную ещё с первого курса цитатку на латинском типа «спира, спера». Нас действительно распирало от здоровья, оптимизма и знаний. Но мы владели тем, чем нас пичкали, видели, что выставлялось перед нашими жадными глазами, что не прятали. Впрочем...

Впрочем, не стану лукавить. Был другой интерес.

Бунин или Шолохов? Почему тот, а не этот?.. Как случилось, что знаменитого могильщика капитализма Карла Маркса хоронили пять человек и лишь родственники провожали гроб? Великий еврей проклял своих, отрёкся от отца и матери? Правда ли, что про зека Ивана Денисовича такой же зек написал книжку, которую боятся печатать?.. Да мало ли. Как говаривал мой любимый сказочник Гофман, тёмными зимними вечерами мы обсуждали в общежитии такие задушевные проблемы, о которых под одеялом и со свечкой думать страшновато. Это ведь в нашем юридическом институте была раскрыта уже настоящая тайная студенческая организация, о которой только через тридцать лет Толя Стрелянный неведомо каким чудом сумел упомянуть несколькими строчками в самиздате о безвинно осуждённых и загубленных. И тех без фамилий.

И захлопнулся теми строчками двадцатый век...

Одним словом, выскочил я из кабинета Игорушкина вслед за старшим следователем и затоптался за его спиной, переваривая полученное задание и не зная, что делать. Кумир мой и идол, похоже, был не в лучшем состоянии, по крайней мере обо мне он вовсе забыл. Очутившись в коридоре, Федонин, не дойдя до своего кабинета, повернул к открытому балкону, словно за глотком свежего воздуха, отдышался, покряхтел у перил и судорожно захлопал себя по карманам, а отыскав портсигар, выгреб его из штанин и жадно закурил, вскинув глаза в прозрачную небесную высь, ища там спасение. А ведь он бросил! И за редкой папироской потянуться заставить его могла лишь особая, крайняя нужда!

Проняло Павла Никифоровича. Что же я о себе стану толковать? Шеф поставил такую задачку, что как говорится!..

– В общем, – повернулся наконец Федонин, сумрачно прокашлялся, словно поперхнулся коварной костью, и слеза в глазах, – поди туда, не знамо куда, но принеси то, не знамо что. Так получается?

Я кроссвордов не любитель и только пожал плечами. К тому же работал-то всего ничего. Я в этой конторе только принимался, можно сказать, и притирался, ожидая из любого угла подвоха. А особенно от разлюбезного Павла Никифоровича. Ещё не забылась история с гордецом Яковом Готляром, которому вместо уголовного дела старый лис кирпич в портфель сунул. И сдул спесь с орла. Но это другая история...

– Ну что же, тогда, как учили люди поумнее нас?..

Я терялся в догадках, кого он имел в виду, но глазом не моргнул, слушал.

– Будем начинать сначала?

Это и звучало вопросом, и выглядело не гениально, но было уже кое-что.

– Задача у тебя, Палыч...

Я чуть было не поперхнулся и глаза вытаращил – начинают сбываться мои опасения.

– Не дёргайся, как карась на сковородке, – прищурился он на меня. – Я же за старшего в нашей, так сказать, только что созданной следственной группе?

– Какая группа? Вы, Павел Никифорович, несколько агравируете.

– Подразделение! – назидательно подвёл он большой палец к моему носу. – По раскрытию, так сказать... инцидента, может быть, исторического значения... Взял бы блокнотик, что ли. Ты и у шефа сидел, как у тётки на блинах.

Я на него от души покосился – сам-то он не лучше там выглядел. Но смолчал, пусть, думаю, покуражится, раз начал. Поглядим, чем всё кончится.

– Значит, так... в архивах пороешься. Поднять, посмотреть надо будет, что сохранилось с тех героических времён. Уголовное дело, конечно, изучишь от корки до корки, расстрельное же дело, такие дела вечного хранения... Заглянешь, так сказать, свежим глазом в тот революционный период нашей великой страны. Покопайся в материалах этого... самого! Как его?

– Атарбекова, – буркнул я совсем невесело. – Только кто мне позволит?

– Что?

– Это ж тогдашняя Чека! Хлеще нашего КГБ.

– Хуже, боец, – помрачнел Федонин, мне показалось, он оглянулся по сторонам, ёжась весь, будто на него морозом лютым дохнуло с летнего небушка. – Я тех времён не застал, а ты и подавно. Это, брат, особый отдел такой был...

Он помолчал, воздуха набирая, и медленно договорил, значительно приостанавливаясь время от времени:

– Особый отдел... южной группы войск... армии Восточного фронта... нашего края. Наделённый, кстати, чрезвычайными полномочиями. К стенке за пустяк могли поставить любого. Одно слово того Атарбекова знаешь чего стоило? Встречные в подворотне прятались, когда он по улице шёл. Борода чёрная и маузер по коленке хлоп, хлоп. Председателем был того отдела. Ущучил?

Я слышал, что Павел Никифорович увлекался военными мемуарами. Сам-то он воевал мало из-за ранения ноги, а о Жукове и его маршалах все книжки собрал, равного ему в этой теме не находилось, но чтобы он и здесь силён!.. Я зря язык не высывал, я поёживался по другой причине – вот она, знаменитая сущность федонинская! Совсем неуютно сделалось мне под иглами его пронзительных глаз. Куда уж там сумеречной фигуре беспощадного чекиста в кожаной тужурке с допотопным наганом. Тут ближе опасность. Умеет старший следователь прикидываться телёнком, а потом раскалывать матёрых хищников. Но меня-то он чего пытается? Переспрашивать взялся, будто и не слышал раньше ничего такого... Я зло скопился на его ботинки – лучше б новые завёл, стоптал все каблуки, косолапит толстяк. Старший следователь называется! И щётку они у него давно забыли. Им бы по-хорошему этого самого гуталина пару банок на каждый нос. Ишь, черевички! Фик-фок на каждый бок!

– Вот, вот, – набычился я. – Меня к этим архивам на пушечный выстрел не подпустят.

– Не понял, боец?

Свято чтя первую заповедь сыщика – избавься от дела, иначе оно доконает потом, – я продолжал гнуть своё:

– У них всё сверхсекретно. И за семью печатями.

– Письмо дам.

– Им ваше письмо!.. – я постарался с интонацией.

– А вот здесь ты не прав, Палыч.

«Чего это он сменил тактику? Сейчас снова мухлевать начнёт, старый лис», – я подозрительно изучал лицо старшего следователя. Федонин укоризненно покачал головой, поморщился, но вдруг закончил игру, не докурив, жёстко смял папироску:

– В бумагах прошлого действительно вряд ли отыщем то, чего до нас уже искали. Но толк есть. Нам нужны факты. Отправные моменты. Был ли вообще тот диковинный крест? Найти документальные упоминания об этой архиерейской реликвии. Напрестольный алмазный крест самого убиенного Митрофана!.. Это тебе не фитюлька какая! Он большую историческую значимость имеет. Почему его раньше нас с тобой не нашли?.. А денежный эквивалент?..

Он так и выговорил, повторив без запинки:

– Это же целое состояние!

– Церковные архивы придётся ворошить!.. А туда как попасть?

– Может, и придётся, – не то поморщился, не то ухмыльнулся старший следователь и подморгнул, урезонивая. – Впервой, что ли, Палыч?

– В моей практике не было.

– И я в этих делах без навыка, – хмыкнул он опять, но радости в его глазах я не заметил. – Не боги, так сказать... не им одним с теми горшками возиться... Должна быть о том архиерейском кресте бумага. Я, вон, со своими вороватыми жучками вожусь, перстни,

запонки, другие бирюльки с них снимаю при аресте, такие длиннющие ведомости к протоколу обыска составляю!.. А то – бесценная реликвия! Ну, ставили к стенке заговорщиков, ну, было, видать, за что, но и бумага на ту ценность должна быть... Поэтому нам её следует очень тщательно поискать. Описание того креста необходимо знать. Как он выглядел? Что за алмазы? И были ли? А то ведь фантазии такие разыгрываются у людей! Я, вон...

– После стольких событий, нескольких войн? – тянул я нудным голосом, не унимаясь. – Город наш и горел, и бомбили его, а ворья сколько! Живых-то не осталось.

– Петрович дал мне вот списочек, – Федонин помахал перед моим носом запиской. – Это, брат, почти вещественное доказательство. Список составил живой человек. И живых, конечно, сюда включил своею собственной рукой.

Я открыл было рот.

– Но этого мало, – не останавливался Федонин. – К тому же ты прав, неизвестно, уцелел ли кто до нынешних дней.

– Вот именно, – удалось мне вставить, – сметает пыль с могильных плит...

Федонин как-то по-особенному на меня глянул, но я уже не останавливался:

– Вы знаете, как сам Атарбеков погиб?

Я специально приберёг этот вопросик своему напарнику, раз уж он такой умный, не помешает и его носом ткнуть. Федонин улыбнулся, доверчивое детское удивление изобразил:

– Как чекисты умирают? На боевом посту, конечно. Для них, брат, пуля заранее отлита. Им в постели, как нам, заказано. А у тебя другое мнение на этот счёт?

Я сконфузился, ничем его не пронять:

– Есть версия...

– Версия – это догадка. Следовательно, не знаешь. А чего спрашиваешь? Ладно... Хватит о покойниках. Вся надежда у нас на живых... родственники, дети, внуки...

– Это как на дно с нашим аквалангом, – опять не утерпел я.

Переехав в город, повезло мне записаться в клуб яхтсменов; хотя я, как говорится, в парусах ни ухом ни рылом, но на лодках могу, а на днях акваланг моряки подарили списанный, так что я испытал «счастье», когда краник подачи воздуха заедать начинает: ты на дне, над головой воды с пяток метров и... так отчётливо своё детство вспоминается! Вот и теперь. Тоской безысходной повеяло от слов Павла Никифоровича. Федонин глянул на меня и всё понял:

– Согласен, но такие истории в семьях передаются из поколения в поколение. Видел же крест тот Львов.

– Когда это было?! Ещё до войны, если верить Семиножкину.

– Стоп! Семиножкин – фигура в области археологии и этих самых... исторических раритетах. Наш Петрович другого и слушать бы не стал, а он нас запряг, лишь научное светило заикнулось о помощи. Ишь, почерк какой! – старший следователь упёрся в записку глазками. – Не разберёшь! Только учёные и сумасшедшие так могут. Нет, Семиножкин – авторитет!

– А где гарантия, что Львов тот самый крест видел? – не стерпел я.

Мне всё время казалось, что Федонин специально меня разыгрывает, уж больно несерьёзно выглядел. Или задачка, заданная прокурором области, казалась такой невероятной и от этого он никак не мог прийти в себя? И так и сяк я изучал мудрые извилины на его морщинистом лбу, но подводила меня интуиция: старый лис был непроницаем.

– Что мы знаем об этом Львове? Нет его давно. Если и дожил до войны, то погиб, скорее всего. Первыми забирали его возраст, – не сдавался я.

– Почему же? Вот он в списочке этом, – Федонин погладил листочек. – Правда, списочку неизвестно сколько лет... Уж больно бумага желта, боюсь и дохнуть на неё. Почерк-то

Семиножкина я видел, мне Петрович его заявление давал читать, а тут рука не та. Но тоже... умный человек приложился... Тут ведь каждая крупица. Я когда услышал от Игорушкина эту фамилию, враз Андрея Ефремовича вспомнил...

Он зачесал затылок, пошевелил губами:

– Львов... Львов... Вот какой фамилией царской судьба наградила. Из какой же породы родители?..

А я гадал о другом: что это на ум старшему следователю явился наш древний артефакт Андрей Ефремович Бросс? Старший помощник по надзору за местами отбытия наказаний, мы его для краткости называли помощником по тюрьмам, – уникальная личность. Ему лет эдак?.. Не скажу, точно не знаю, а врать про такую историческую реликвию совесть не позволяет. Как древний экспонат, он своё давно отрубил, но прокурор области таких редких держит вопреки уставам и правилам, бережёт, словно Фирс тот шкаф у Антона Палыча. Спросите – и он наверняка назовёт шулеров, которые обчистили карманы самого императора, когда Петруха прикатил к нам готовить поход в Персиду. Наш местный дока, краевед Александр Сергеевич, с ним тягаться опасается.

– Андрей как-то рассказывал про коменданта нашей тюрьмы, – оставил наконец в покое свой затылок Федонин.

– При чём здесь комендант? Это что за фрукт?

– В те революционные времена, молодой человек, командовал в нашей тюрьме комендант, а не начальник. Игорушкин как этот списочек озвучил, так мне рассказ Андрея Ефремовича и отпечатался. Львов и был тогда комендантом тюрьмы. Думается, что он отношение к тому сгинувшему кресту имеет самое что ни на есть прямое.

– Это почему же?

– Ну как же! Заговорщиков в тюрьме держали и расстреляли там же. Тогда, брат, далеко не возили. Должен он помнить те события. Ему по служебному положению обьязано. Вот нам первый следочек.

– Если жив.

– В списке значится, – бодро пробасил Федонин. – Я Игорушкину заикаться сразу не стал, чтобы не будоражить раньше времени. Про реликвию ту Андрей-то мне ни слова не промолвил. Но ты знаешь Бросса, он, старая калоша, правила свято чтит, лишнего не выдаст.

– О чём же он вам исповедовался? – съязвил я, не удержавшись.

– Да так, разговорились что-то... – пожал плечами старший следователь. – Пил тот Львов как верблюд перед походом в пустыню. Только горбатый водой злоупотреблял, а Львов всем подряд. Старше Андрея, а лакал!.. Здоров был, бродяга.

– Неудивительно. Насмотрелся, натерпелся. Многие надзиратели так кончали.

– Да уж. Бросс рассказывал, у того Львова привычка по молодости была: нажрётся до чёртиков и отправляется в тюремный двор приговоры исполнять. Самолично казнил врагов народа твёрдой пролетарской рукой.

– Тогда что ж? Тогда с него и начинать надо!

– Вот! Это ж для нашего дела верный хвостик.

– Да... – поёжился я. – Досталось им времечко.

– Мы наглопались, а уж им! – Федонин тоже плечами передёрнул и толкнул меня локтем. – Найди его. Если его удастся разговорить...

– Мне представляется... – начал я.

– Привлекай кого хочешь. Задействуй Донскова, он шустрый малый.

– Кандидатуру Донскова надо с самим комиссаром УВД согласовывать.

– Да ладно, не мелочись. И вот этих Игорушкин просил вызвать, – старший следователь торопливо сунул мне листочек со списком, царапнув ногтем какую-то строчку. – В первую очередь.

– И ниточка потянется, – ехидно озвучил я его любимую присказку.

– А клубочек сам приведёт, – не смутившись, кивнул он. – Действуй, боец.

Мне так и не терпелось спросить, а чем он сам станет заниматься, но пока я соображал, как это сделать поделикатней, старый лис развёл руки в стороны:

– У меня Змейкин вот где сидит, – он пригнул голову, будто жирный завтрастом столовых и ресторанов, а по совместительству злостный расхититель миллионов, действительно оседлал его шею. – Тебе ли не знать, Палыч? А ведь никто ответственность с меня не снимал. И сроки продлять у Руденко бояться. А к субботе ты справишься.

Я обмер, совсем не находя слов.

– Ты их устрои и на субботу утречком обяжи явкой в аппарат. У меня и потолкуем вместе, – заверил он и проскользнул мимо по балкону в коридор, переваливаясь на своих растоптанных.

Какая суббота! У меня с Очаровашкой и сыном в выходные дни цирк, пиво с Валеркой в прекрасной Аркадии!.. Но он уже открывал дверь своего кабинета.

– Павел Никифорович! – всё же крикнул я ему в спину.

– Исполнять, боец, – не обернулся он.

Глава III

Вам, конечно, не посчастливилось видеть нашу Аркадию? Примите, как говорится, мои глубокие... Моему поколению тоже, так сказать, досталось то, что осталось, но... Райский уголок для отдыха! И вообще... Дворец! Кижи, что называется, отдыхают. Я бывал и в других местах. У них тоже одним топором, без единого гвоздика. Но там грусть музейная. Глянешь – всё в прошлом. Живых-то, кроме туристов, не видать. Помню, подсунули нам двух ряженных под старинку, сидят с лучиной незажжённой у оконца в закопчённой избушке, будто сукно ткут. Изображают. И до того всё пришибленное, убогое: головы ниц, к земле пригнуты горем неведомым. Будто всё кануло, всё кончилось, будто там осталось всё в прошлом. И надежд никаких, без просвета. Тоска...

А у нас?! Аркадия светится вся, яичко золотое сказочное! Верхушки – маковки дворца сверкают, ввысь, как руки, словно и не деревянные, тянутся, к солнцу так и рвутся! И дети везде. Смех, беготня, веселье. У каруселей, на качелях, в хороводах. А женщины? Вы видели когда-нибудь красивей? Они как бабочки порхают! Мы с Валеркой глазами не успеваем водить. Он не забывает время от времени на ногу мне нажимать – наши-то рядом, и Очаровашка моя, и его серьёзная Таисия, они не только за детьми присматривают.

– Как? Сгоняем королевский гамбитик? – пристаёт он.

– А ты подготовился? – отвечаю. – Учёл прошлые ошибки? Пиво обещанное заказал?

– А то...

Сгорела она, наша Аркадия, несколько десятков лет назад. И Очаровашки моей нет на белом свете. А я вот на фотографии гляжу. В тот самый день снимки делал. «Зенит» прихватил с собой, знаменитую ценность следователя, хотя Павел Фёдорович Черноборов, наш криминалист, вручая его под ведомость, наказывал беречь пуще зеницы ока и по пустякам плёнку не транжирить. Если бы он видел, как использовалась его драгоценная техника в тот раз!

Вот она, прекрасная Аркадия! Очаровашка одни её маковки златоглавые нашёлкала среди листвы деревьев, а здесь, на фоне дворца, мы втроём, вся наша тогдашняя весёлая семья. Всполошил Очаровашке волосы нахальный ветер и с платьем зашалил, ещё в те времена умыкнуть её собирался... У наших ног до колен едва достаёт Родька, наше счастье. Ему трёх лет не было... А здесь мы с Валеркой за шахматной доской, позируем Таисии в павильоне, серьёзные!..

– Ты ходить-то будешь? – это уже живую толкнул он меня коленом. – Силён жлоба давить.

– У нас такая профессия, мой друг, сначала головой работать. Не как некоторые.

– Значит, удалось от Федонина улизнуть?

– И не собирался. Само собой обернулось, – начал я рассказывать, двинув пешку вперёд; что королевский, что ферзевый гамбит он играл отменно, поэтому я уповал сегодня на сицилианскую защиту.

А события в истории, которая нам со старшим следователем сразу не понравилась, действительно развивалась не благостно. Во-первых, как я предполагал, в архив КГБ попасть не удалось. Мало того, согласовывая вопрос, я убил массу времени на телефонные переговоры с большим количеством важных чинов комитета, истребал кучу нервов, о чём в конце концов известил Павла Никифоровича. Тот с зубной болью на лице сверкнул глазами из-под лохматых бровей:

– Значит, не желают делиться тайнами?

– Говорят, что особая информация. Режим секретности повышенный. Не по нашим зубам, – я не стал будить зверя, не заикнулся, что на его письмо не пожелали даже прислать ответ.

– Ну, они у меня попляшут, – напыжился Федонин и закосолапил прямиком к Игорушкину.

Однако оказалось, что и звонка прокурора области было недостаточно, в конторе вежливо попросили официальный запрос за его подписью. Федонин был отослан Петровичем готовить новый текст, но когда наутро заявился, шеф отсутствовал, в приёмной сообщили, что он улетел в столицу на совещание и возвратится не раньше следующей недели.

Известие о второй осечке доставил мне оперативник из «уголовки» капитан Донсков, которого я занарядил просьбой со списком, выданным мне Федониным. Из восьми человек он смог пригласить на субботу лишь одного. Кто уехал, кто болел, кто вообще не проживал по указанному в записке адресу.

– Один Семиножкин получается? – оторвал голову от бумаг на столе старший следователь, когда в пятницу уже ближе к вечеру я доложил ему результаты поисков.

– На два часа приглашён повесткой, – кивнул я уныло.

– Почему среди дня? На утро нельзя было обязать? – поморщился Федонин, и я уловил такую же тоску в его глазах.

– Плохо себя чувствует. Вообще и он отказывался, в постели с температурой.

– Вот как...

– Это нас ничего не берёт.

– Сплюнь.

Я бы сплюнул не без удовольствия; как представлю испорченную субботу, так не по себе становилось, а ещё Очаровашка не знала, не ведала.

– Пиво там вкусное, – поджал губы старый лис. – Такого «жигулёвского» я нигде не пробовал.

– Везде сладко в выходные дни, – отвернулся я и в муках зашагал к двери.

– Не скажи. Если с воблешкой весенней... – он вкусно облизнулся. – Ты вот что, Палыч, бери с собой Очаровашку и дуйте с киндером своим в Аркадию.

– Павел Никифорович! – развернулся я на сто восемьдесят градусов.

– Беги, беги. Справлюсь и один с тем болезным.

Так всё и обошлось бы в тот день, но не тут-то было. Затемно возвратились мы домой, сынишка спал у меня на руках, его в трамвае всегда укачивает. Очаровашка бросилась стелить ему кровать, тут и затрясся наш телефон в сумасшедшем трезвоне. Она его попробовала впопыхах утихомирить подушкой, да куда там!

– Возьми, – моргнул я.

– Тебя, – схватила она трубку и побледнела.

– Кто? – я не ожидал ничего хорошего от ночных звонков.

– Федонин, – она поднесла трубку к моему уху.

– Загулял, парень? – услышал я хриплый голос с характерным покашливанием, это значило, что старший следователь опять внезапно закурил.

– Спасибо. Ублажили вы нас весёлым деньком.

– Который раз звоню.

– Что случилось, Павел Никифорович?

– Труп у нас.

– Что? Какой труп?

– Этого... Семиножкина-то я так и не дождался. Послал за ним дежурного из райотдела милиции, а тот рапортует – к холодному телу поспел. Уже увозить в морг собирались. Я запретил.

- Что же случилось?
- Вот и я гадаю.
- Странная история.
- Не говори. Скандалом пахнет.
- Да мы-то при чём? Он, кажется, болел.
- Вот что. Я машину за тобой послал. Съезди. Погляди для очистки совести. Протокольчик оформи чин-чином. Экспертизу назначь. Поставь вопросыки. Чем чёрт не шутит. Да в понедельник на вскрытие в морг не забудь.
- Павел Никифорович!..
- Отвык я со своим пузатым ворьём из благородных. Не переносу покойников ко сну.

Глава IV

Во вторник нам с Федониным предстояло явиться пред ясные очи прокурора области. Утречком, задолго до рабочего часа, мы сидели в кабинете, сетовали на беспросветное будущее. Старший следователь рассеянно перебирал жидкую кучку собранных нами бумаг, я, устроившись на подоконнике у его знаменитого аквариума, тянул одну сигарету за другой, пуская дым в распахнутое окошко.

– Ты туда, туда дуй, – кивал во двор Федонин время от времени и барабанил пальцами по портсигару. – Не совращай меня. Да этот... аквариум не повреди.

Аквариум был известной слабостью старшего следователя и его давнишним душевным увлечением. Поначалу он был сооружён во всю стену за спиной хозяина и поражал фантастической красотой. Но повалил, как на выставку, наш любопытствующий народ, раза два-три зашёл и сам Петрович, не удержавшись, и от былых размеров чудесного реликта остались одни воспоминания. Впрочем, и на том, что осталось, замирал, радовался глаз, а старый лис не забывал повторять о военной хитрости этого обитателя его апартаментов: «Особенным образом он действует на моих постоянных клиентов. Они в свою среду попадают, в свою фауну, у них сразу ассоциации – аквариум, кресло, ваза, камин... другая обстановка, атмосфера. Поэтому в тюрьме я не любитель с ними откровенничать, там апартаменты не располагают. А здесь они расслабляются, начинают мне про свои увлечения щебетать, ну и про миллионы, конечно, наворованные. Адаптируются, так сказать...»

Первым принесло Яшку Готляра, и сразу от его новостей некуда стало деться. Оказывается, возвратившись из столицы темнее тучи, весь понедельник прокурор области гонял начальство, потом собрал внеочередное заседание коллегии, срочными телефонными звонками тут же вызывались городские и сельские прокуроры. Раскланиваясь в приёмной, они с придыханием шествовали «на ковёр», а оттуда выскакивали, как из парилки, с всклокоченными волосами, красные, глаза вразлёт и, ни слова не говоря, бросались за дверь, прыгали в машины и уносились пуще ракет, готовые если не взорваться, то уж точно немедленно умчаться в поднебесье и бомбить обозначенные цели. Захлёбываясь от чувств, Яшка, конечно, прибавлял от себя и балагурил, но мы с Павлом Никифоровичем мрачно переглядывались, встревоженные не на шутку. Нас обоих ждала та же участь. Докладывать Игорушкину было нечего.

Вчера я весь день проторчал в бюро экспертиз на вскрытии, Федонин – в КГБ. Над добычей нашей плакал тот самый кот, поэтому старший следователь ещё сильнее забарабанил по портсигару, убивая взором веселящегося Яшку, а я задымил сигаретой, как колёсный пароход из кинофильма «Волга-Волга» перед катастрофой.

– Ты смотри! – поморщился Федонин. – Мне в аквариум пепел не стряхни.

Должно быть, от Яшкиных страстей рыбки метались там, не зная куда деться.

– Что им будет-то? – не унимался Готляр и, подбежав к аквариуму, заводил своей сигареткой у стекла. – Яд нам, а им, если и достанутся, – минералы.

– Кстати, про яд, Павел Никифорович, – вернулся я к нашему разговору, прерванному прокурором отдела. – Отчего умер Семиножкин пока неизвестно. У него внезапно началось сильное сердцебиение, и в течение часа он скончался.

– Инфаркт? – поднял брови Федонин. – Это кто же его напугал?

– Врачи «скорой» успели приехать, пытались спасти, но... даже не повезли в реанимацию, – кивнул я. – А кто испугал?.. Жена рассказала, что посетителей особых не было. С приятелем тот засиделся накануне допоздна. Но тот обычно у них дневал и ночевал. А посторонних никого.

– И не жаловался?

– Наоборот. Всё бодрился, таблетки прятал тайком, хотя старикан древний. Бегал по утрам и купался регулярно.

– По системе Поля Брэгга, – опять влез Готляр. – Я вот тоже думаю бегать надо.

– Вот так, – покачал головой Федонин, – живёшь, живёшь и не думаешь, что завтра в резалке окажешься. А мы суетимся, ссоримся, всё что-то доказываем друг другу. Сейчас Петрович станет нервы мотать.

– Да наша медицина!.. – подскочил со стула Готляр в азарте возмущения. – К моей Сонечке в аптеку повадился недавно один...

– Югоров с выводами не спешит, – перебил я его.

– Сам вскрывал? – оживился Федонин.

– Константин Владимирович, – кивнул я. – Вам большой привет. Сказал, не следует торопиться с выводами, подождём результаты химических исследований... крови, подногтевого вещества, содержимого желудка... Вдова Семиножкина больно уж тревожилась.

– Значит, таблетки прятал? – покачал головой Федонин.

– Вообще-то он сильно верующим был, – поделился я своими соображениями. – Николай Петрович нам с вами рассказывал, что Семиножкин долгое время в музее работал, а мне кажется, это не главное занятие в его жизни. Приехал я осматривать их квартиру и ахнул. Чуть не алтарь из икон на одной из стен в его комнате и утвари церковной полно. Он или собирал всю жизнь, или в церкви служил.

– Хоббизм, – всполошился Готляр и глаза его засверкали. – Сейчас этих сумасшедших!

– Неслучайно он насчёт креста архиерейского беспокоился. Аж до Петровича ходы нашёл. Неспроста это, верно ты подметил. Полно, значит, этого добра в его хате?

– С избытком. Только выводов из этого никаких, – погрузился я.

– Вот и у меня не густо, – вздохнул старший следователь. – Впустую я у чекистов время провёл. Так... всё вблизи, но как в грязи. Картину, конечно, вокруг этого архиерея неважную они мне нарисовали. Признан он был одним из организаторов крупнейшего белогвардейского заговора в девятнадцатом году. Газеты о нём писали... Мне их показали, статейки тех дней. Расстрелян одним из первых среди заговорщиков, а их всех-то было за полусотню.

– Официально ничего не дали?

– Запрос я лишь сегодня подпишу.

– Что это у вас за тайны? – сунулся было к старшему следователю Готляр. – Архиерей, кресты, труп?

Но ответить мы не успели, позвонили из приёмной: нас требовал Игорушкин.

Глава V

Звонок был тихим и осторожным. Несколько раз нервно прерывался. Соседка так не звонила. К тому же – она вспомнила – у той был ключ, дала сама на всякий случай. И Аркадий Викентьевич никогда так не звонил. Значит, посторонний. Узнал про случившееся и заглянул. Она тяжело поднялась, посидела на кровати, дожидаясь, пока не перестанет кружиться голова, привела себя в порядок, долго шла к двери, заглянув в дорогое овальное зеркало на стене. Всё стихло, пока она добралась. Спросила. Без ответа. Открыла, бранясь на саму себя. За дверью никого. Вот наказание! Причудилось. А что? Вторые сутки Серафима Илларионовна Семиножкина без сна и какой росинки во рту, с открытыми глазами, уставившись в потолок, пролежала в постели, словно в небытие провалилась. Одна осталась. Лишил и её белого света своей смертью Дмитрий Филаретович... Подосадовав на себя и дверь, она вернулась обратно. Только легла, снова шум. Соседка.

– Одна, Серафима?

– Кому быть-то? – закрыла она тяжёлые веки, поморщилась.

– Вроде звонили? Нет?

– И тебе померещилось?

– Слышала я, будто дверь открывали, – приложила та мокрый платок на её горячий лоб. – Укутать ноги?

– Не надо. Вставала вот, – слукавила она, – проверяла, не настезь ли дверь.

– Да что ж я? Как можно настезь? Ещё в уме. Подымайся, Ларионовна. Чего вылёживать-то? На том свете належимся. Я сейчас чаёк сгондоблю. Горяченького попьёшь. И все думки из головы.

– Нет уж. Я теперь не встану. Отец Кирилл был. Я обо всём распорядилась. Службу проведут здесь. Вот только дождаться, когда привезут Дмитрия Филаретовича.

– Чего же тянут? – в который раз спросила соседка, самой под восемьдесят, хоть и легка на ноги, но с памятью не в ладах: десять раз одно и то же, устала ей отвечать вдова.

– Ты же здесь была? Понятой при осмотре? Не помнишь?

– Народ бы успеть оповестить.

– Знают, кому нужно. Я Тоську с первого этажа попросила, она по подъездам пробежалась. Аркадия Викентьевича что-то не видать. Не случилось с ним чего? Не заходил он, пока я валялась?

– С живым ещё Филаретычем видела, а больше нет.

– Вот беда!

– Да что с ним случится? Молодой, крепкий. Прибежит.

Соседка копошилась, ахала, охала, крестилась в верхний угол на иконы:

– Я что говорю, Ларионовна?... Алтарь-то ваш не убрать? В зале. Как привезут тело, народ-то разный соберётся, – она кивала на комнату, где все стены были увешаны золотистыми, покоряющими благородством иконами и картинами на библейские темы в тяжёлых старинных рамках. – Воря-то сейчас! Не уследишь. Ты вон в каком виде, и я того хуже.

Ответить Серафима не успела, в передней позвонили.

– Привезли! – охнула соседка и бросилась туда, но скоро вернулась, не одна, за её спиной скромно прятался бледный Дзикановский.

– Аркадий Викентьевич! – не удержалась вдова, и слёзы залили ей лицо. – А я уже всё передумала! Покинул нас Дмитрий Филаретович.

Он, видимо, уже всё знал, чернел впалыми глазами и чёрной до синевы бородой, глаз на неё не подымал, впалые щёки на белом лице не оставляли сомнений – мучился не один час.

– Что ж вы не приходили? – спросила всё же вдова, не удержалась.

Соседка засобиравалась уходить, бросилась к двери:

– Я после загляну.

– Я всё передумала. Не заболели ли вы?

– Да, – кивнул он. – Только встал на ноги. Мне отец Кирилл о беде поведал. Я к вам.

– Да что же с вами случилось, голубчик? Участковый мне передал слова следователя, который у нас осмотр делал. Будто Дмитрий Филаретович мог отравиться. Потому и затяжка. Исследуют они сейчас... тело. Уж не вместе ли вы что кушали?

– Извиняюсь покорно, Серафима Илларионовна, что же кушать за шахматами? – опустил глаза Дзикановский. – Как обычно. Так... Пустяки разные. С кухни, правда, Дмитрий Филаретович булочку приносил и чай.

– Не пили?

– Да это не допрос ли, матушка? – Дзикановский опёрся плечом о косяк двери. – Как обычно. За несколько часов, что мы потратили на три партии, полбутылочки коньяка хватило.

– Я же его предупреждала не пить перед сном! – взмолилась Семиножкина и откинула голову на подушку. – Несносные вы, безжалостные!.. Не думаете о других!

– Помилуйте, Серафима Илларионовна! Несколько капель!

– Перестаньте. Сами проговорились, что мучились. Потому и явились не сразу.

– Я же, простите, животом страдал. Будто кишечное отравление. Но самую малость.

На второй день отпустило.

– Вы молоды. Сравнили. А что с животом? Что кушали?

– Да ничего. С кухни, я же говорил... А коньяк для сосудов!.. Нет. Это не причина.

– Ах, Аркадий Викентьевич! Что мне сказать!..

– Простите, но...

– Следователь молодой, но такой странный. Всё ему интересно, всё он выспрашивает.

Я почувствовала себя преступницей. А вы пропали...

– Моё самочувствие, Серафима Илларионовна, мне не позволяло. Но как только улучшилось...

– Оставьте меня.

– Серафима Илларионовна, дорогая!

– Подайте мне воды и уходите. Мне надо побыть одной.

Он долго возился на кухне, вошёл ещё более бледный, потерянный, но как всегда красивый. Она выпила из его рук, оттолкнула стакан:

– Вы помните. В двери английский замок. Захлопните сами. Прощайте!

Сказала с надрывом и действительно с глазами её будто что-то случилось, будто они покрылись туманом или сумеречной пеленой, а голову закружило, убаюкивая. Последнее, что запомнилось ей, это большая безлика физиономия наклонилась над ней, и голос произнёс что-то. Но что это были за слова, она уже разобрать не могла, провалившись в тяжёлую бездну сна.

Глава VI

Повидав и пережив многое, Игорушкин постиг науку предугадывать возможные удары судьбы и неприятности. Интуиция, выработанная годами, берегла его, спасала, казалось бы, в безвыходных ситуациях, помогала вовремя учуять, откуда дует ветер беды, и он успевал уберечься. Ожидаемая стрела, переиначил он древнего поэта, нежнее жалит. А то, чем он занимался, что избрал однажды на всю жизнь, оставив тихую профессию провинциального учителя, было не увлекательной игрой или азартным приключением, это оказалось жестокой борьбой, когда за ошибки приходилось расплачиваться многим, а то и жизнью, ибо на карту поставлена честь мундира и государева ока.

Особенно почувствовал он это после назначения прокурором города Сочи. Хотя за плечами уже был опыт работы в одной из центральных областей и в прикавказской республике, тогда впервые и испытал, как за секунды мокрым становится китель на спине и под мышками, как не хватает воздуха и останавливает сердце неудержимый животный страх. Именно от него, от постыдного, презренного животного страха он, большой, здоровый, сильный молодой мужик почти двухметрового роста, приучивший себя достойно держаться в любых ситуациях, однажды ничего не мог поделать и стыл безмолвной глыбой, выпучив глаза. Это случилось в один из приездов Сталина на отдых. Впервые в метре от себя он увидел вождя живым. Генералиссимус пренебрёг грозной формой, чем блистал с портретов, лениво вышагивал в светлой фуражке, пиджаке и штанах, попросту заправленных в чёрные лайковые сапожки. Изредка из встречающихся кому-то кивал головой, но без эмоций, будто задумавшись о своём, глубококом. И вдруг развернулся, приметив незнакомого, отстранил мельтешивших, мешавших и упёрся в его грудь трубкой, не подымая головы и хмуря брови. Вроде вождь что-то сказал чуть слышно, прожёт его тигриным взглядом жёлтых глаз. Кажется, даже спросил. Но Игорушкин онемел. И тогда вождь поднял голову.

– Этот и есть новенький? – оживил ему уши скрипучий грузинский акцент. – Не частенько наш прокурор их меняет? Не доверяет?

Ни жив ни мёртв вытянулся струной и впился глазами в фуражку вождя Игорушкин. Спина окаменела, не согнуть, в глаза вождю с высоты своего роста не заглянуть. Хмыкнул рядом нарком в пенсне, обдав презрительной усмешкой из-под шляпы, и процессия миновала. А он ещё стоял, не шевелясь, долго не мог прийти в себя, корил за минутную слабость.

После, не раз анализируя происшедшее, он передумал всё. Ему среди немногих было известно пренебрежительное отношение Верховного к Генеральному прокурору Союза. Прокуратура не была в почёте у вождя, Сталин предпочитал тайный сыск, которым ведало НКВД и не терпел Сафонова, не скрывая. На одном из серьёзных совещаний, когда Сафонов попросил слово для выступления, Сталин на весь зал спросил помощника: «Кто это?» – а Берия тут как тут, сразу же начал собирать на Генерального компру – дни его были сочтены, ждали, когда придут...

Прошли времена те давние, Роман Руденко, новый Генеральный прокурор – любимчик вождя, герой Нюрнбергского процесса; рассказывали, что Сталин лично правил речь государственному обвинителю перед выступлением. Да и с человеком в пенсне, нагонявшим на всех ужас, разобрались, разогнав всю его бандитскую шайку. Игорушкин почти забыл свои тревоги. С приходом нового Генерального прокурора за десяток промчавшихся лет он сам сменил не только хлопотный курортный городок, но и не одну область, оказавшись здесь, на тихих берегах Волги у самого моря. Здесь, мечтал он, неплохо было бы и осесть навсегда. Заслужил, да и возраст подбирался, убаюкивая ласковыми тихими вечерами благостными мыслями о покое.

И вдруг это!..

Возвращаясь из столицы после совещания, мучаясь как обычно без сна в душноватом купе у тёмного окошка, под стук неугомонных колёс Игорушкин вдруг остро ощутил забытую с годами тревогу притаившейся опасности. Она кольнула его слева как игольная боль и уже не отступала, и уже совсем лишила сна. А он ломал голову – где оступился?.. Нет, критика и наставления по поводу текущих просчётов, которые звучали с трибуны, его лично не касались, поэтому особенно не беспокоили. То поправимо. То было обычной рабочей ситуацией для всех: неумех учили, ленивых гоняли, передовиков ставили в пример. В Генеральной прокуратуре затевались новые, демократические подходы, организовывались перспективные направления, расширялись специальные функции, в общем надзоре в гражданском судопроизводстве намечались революционные сдвиги, руководство нацеливало на эффективные рычаги в деле искоренения последних родимых пятен негатива. Подталкивали к усилению, повышению, улучшению... Нет, на коллегии его не зацепили. А вот в последние дни? Уже перед самым отъездом?.. Игорушкин вспомнил тот день. Уже состоялось официальное прощание с начальством, уже обегал все управления и отделы, где задумал побывать, кому улыбнулся, от кого упрёки получил, кому привет передал. Куплены билеты в обратную дорогу, позади хлопоты с подарками; остался традиционный вечер в гостинице с друзьями-товарищами по славному долгу. Игорушкин давно уже входил в компанию своих, волжских прокуроров, хотя подымал рюмку за столом курских, орловских и других коллег. Было вспомнить о чём и с ними. И... и его пригласили в тот кабинет. По правде говоря, отдел тот был учреждён недавно, он там ещё не был ни разу, по телефону и с начальником познакомился, и говорил не однажды, но чтобы... Отдел этот в Генеральной прокуратуре ведал вопросами КГБ, конторы, принявшей на себя всё бремя прежнего НКВД, среди своих знающие перемигивались: название сменилось, сущность прежняя, только совершеннее с учётом трёпки на известном скандальном съезде, где Никита Сергеевич основательно промыл кое-кому потроха. Не то чтобы по старой памяти Игорушкин сторонился этого нового отдела или обходил, а как-то всё недосуг, не было надобности. А и то, какая в нём нужда в его области? Его область отродясь ни в чём замечена не была, чтобы отдел этот интересовал. Война последняя, слава богу, область почти миновала стороной, шпионами здесь не пахло, а у этого отдела полномочия!.. Ого-го! Им не до них. У него в аппарате такого подразделения создать даже не посчитали нужным. В штаты человечка не дали. Когда по телефону речь зашла, он и заикнуться не успел, отбрили: воздержаться от единицы помощника по этим делам. Он про Волгоград намекнул, земляк похвастал, что ему выделили должность на этот участок, но его возражений никто слушать не стал. Порекомендовали включить самому себе в обязанности, что он и сделал послушно. С тех пор ходил в ту контору на итоговые совещания, слушал отчёты, воду минеральную пил, о серьёзных вещах они там не говорили, опять у них всё сверхсекретным стало. Так, вокруг да около.

Поэтому на встречу к старшему помощнику Генпрокурора по КГБ шёл без всякой мысли, наоборот, думал высказать претензии о недоданных штатах. А посидел в коридорчике, дожидаясь очереди – оказывается, не он один приглашён! – потолковал с одним, другим, совсем заволновался: найдут, чем зацепить. Но разговор с общего начался, он снова начал о штатной единице. Ему сухо и тактично разъяснили что и как, убедили, спросили о проблемах. Терпимо. Какие проблемы? Вот здесь советник юстиции, молодой, но ушлый, за версту видно, спросил об архивах. Он поначалу не понял, переспросил, что того интересует.

– Что вас, Николай Петрович, могло заинтересовать в архивах местного КГБ? – насутился собеседник и остро отточенным карандашиком по столу перед собой застучал резко, но внятно.

Он глаза на советника поднял, недоумевая.

– С каких это пор ваших следователей интересуют архивные секретные дела расстрелянных заговорщиков?

Вот тогда он и вспомнил Федонина, тот собирался письмо у него подписать, да не успел. Это значит, без письма нагрязнул, пока его не было, а начальник КГБ сюда пожаловался!.. Вот они, старые приёмчики! Правильно калякали – шубу сменить, это ещё не рожу умыть. Наябедничали, значит...

Однако замечанием отделаться от советника не удалось. Попробовал рассказать историю о реликвии пропавшей, тот брови вскинул – не там поиски учиняете! И вообще архивы того учреждения неприкосновенны! Это особый режим секретности. Сам Генеральный подписывает подобного рода запросы. Делалось это несколько лет тому назад! В исключительных случаях! Когда было принято решение высших партийных органов о реабилитации конкретных лиц, пострадавших от политических репрессий!..

– Не мне вам объяснять, Николай Петрович, – поставил точку собеседник. – А виновных за самоуправство привлеките к ответственности.

Так и сказал – за самоуправство. Он пробовал возражать, сам бы письмо подписал, не успел к нему старший следователь.

– О принятых мерах сообщите лично, – встал собеседник и подал руку, не улыбнувшись. – Я жду вашего приказа.

Вот такой тяжёлый состоялся у него разговор в последний день московской командировки. Это и озадачило Игорушкина, это и вызвало былую, годами забытую тревогу. Дохла на него из тех, сороковых, смертельной опасностью. «Утратил бдительность, старая калоша!» – ругал он себя мысленно, так и не заснув до утра, один перед тёмным окном. А как приехал, учинил в аппарате встряску. На второй день дошла очередь и до Федонина. Заместителя по следствию Колосухина не пригласил. Впечатлительный тот и скор с выводами. Да и не в курсе тот был по поводу обращения Семиножкина. Когда выкричался, пыл схлынул, оглядел поникшие головы обоих, спокойнее спросил младшего:

– Кто же тебя надоумил без письма-то к ним лезть?

– А я перед этим книжку о тех событиях прочитал, – вытянулся прокурор следственного отдела. – Холопов автор.

– Вот выбрал себе прозвание! – хмыкнул, не сдержавшись, прокурор. – Холопов? Не нашёл ничего подходящего?

– Я и Кремлёва читал.

– Ну этот вроде умнее. Только при чём писатели?

– «Грозный год» называется, – заспешил Ковшов. – Если бы Сергей Миронович Киров с товарищем Атарбековым так же церемонились, как нам вверху советуют, бандитскую организацию заговорщиков им бы вовек не одолеть.

– Ну, ну, – буркнул Игорушкин, а сам подумал: «Вот она, нынешняя молодёжь. С него мои нотации как с гуся вода. Не видел наших бед. Непуганый» и усмехнулся: – Что за заговорщики?

– По книжке Холопова банда так и называлась «цианистый калий», Атарбеков так её окрестил. У покойника, кандидата исторических наук Мушкатёрова в «Очерках истории областной партийной организации» абзац об этом имеется. Это самый авторитетный и, кстати, единственный источник, других никаких документальных подтверждений нет, – Ковшов со значением на Федонина глянул и плечами пожал. – Тем не менее, если верить этим писателям, заговорщики цианистым калием якобы намеревались отравить весь Реввоенсовет и обезглавить одиннадцатую Красную армию.

– Это ж сколько отравы потребуется! – откинулся на спинку кресла Игорушкин. – У них что, доступ к медикаментам имелся?

– Если что и можно узнать, так это в материалах архивного уголовного дела, которое хранится в КГБ, – развёл руки Ковшов. – Мы ищем крест архиерея Митрофана, однако вер-

сия, что священник был одним из главных среди заговорщиков, это тоже пока лишь писательская догадка.

– Вот как? – уставился прокурор области на Федонина. – Чего это Холопов ваш на попов накликает? Когда они отравой занимались?.. Им народ дурачить разными сказками, это да, а тут смертоубийство?..

– Я был в КГБ, – поморщился старший следователь, хмуро помалкивавший всё это время.

– И что?

– Можно сказать, с позором выгнали.

– Справку возьмите, – Игорушкин покраснел, раздражённый до ярости кулаком по столу пристукнул. – И ответим этому Семиножкину... Закроем его обращение. Да и в Москву будет о чём написать, тогда и без приказа обойдёмся. Поставим, так сказать, точку и...

– Не поставим, Николай Петрович, – встрял Федонин и голову пригнул, словно удара опасаясь.

– Почему это?

– Умер Семиножкин.

– Час от часу не легче! – взмахнул прокурор руками. – Убили?

– Есть подозрения. Но надо заключение экспертов подождать. Вы, как уехали, тут такое закрутилось!..

– Ну вот что, – поджал Игорушкин губы. – Раз неясно, отчего скончался заявитель, все хождения в КГБ прекратить, запрос подписывать я не стану. Придёт время, возбудим уголовное дело, следствие заведём, тогда видно будет.

– А с реликвией как? – поднял брови Федонин и ручки на груди крест-накрест свёл. – Похерим этот вопрос?

– С реликвией? – вспомнил Игорушкин. – Алмазный крест – ценность историческая, принадлежит она не только архиерею, но и народу. Так что продолжить поиск.

– А как же?..

– Поработайте среди церковнослужителей. Не гнушайтесь, побеседуйте с ними. Народ этот, хоть и особый, но очень толковый. У них тоже архивы будь-буди. Не хуже государственных. И люди живые. Монахи, они долго живут, много помнят.

Глава VII

Закон подлости потому так и прозван, что срабатывает в момент, когда всё поперёк горла и хоть сдохни! Вот и в этот раз. Как ни отбивался я от Федонина, как ни отнекивался, он меня уговорил. И что же? Чуть раньше шести вечера выбрался я из конторы и в воротах на Колосухина наткнулся, он с совещания, а я зайцем мимо него. Я, конечно, достоинство сохранил, не будешь же объяснять, как мальчишка, что ты по делу, но шеф отвернулся, будто в свои глубокие думы погружён – он у нас большой интеллигент, однако ситуация, скажу я вам! Да если бы это всё!.. Только меня отец Михаил под руку взял, только мы вышли из Покровов, навстречу улыбающаяся рожа Толупанчика, прёт с вязанкой сухой воблы под мышкой и газеткой футбольной обмахивается. Этому дурно стало от моего вида. Он, конечно, тоже мне ни слова, тонкой души у нас в аппарате люди! Только подмигнул незаметно, но я-то понял, что попался, теперь так просто не кончится. Распрощались мы со священником, пошёл я по аллейке к Ленинскому парку, а он из-за угла, поджидает:

– По пивку?

– Чего караулишь?

Сашок тоже не прост, как кажется, он ещё тот дипломат с Криуш, суёт мне воблу и мину состряпал страдальческую, а сам, чую, едва не лопаётся от смеха, вот-вот заржёт. Рядом с церковью, куда меня Федонин снарядил, рыбный рынок, вот Толупанов после работы и завернул сюда, видно, сегодня на стадионе наши с кем-то играют.

– Я бы особо не интриговал, если Яшку здесь встретил, – толкнул меня локтем Сашок. – Готляр и не такое откаблучит. Но что тебя в храм Божий занесло? Мало с ними у нас якшались? Или вы с Пал Никифоровичем уже погрязли? Грехи замаливаешь?

– Отстань, – отмахнулся я. – Устал я. Ты где собрался по кружечке пропустить?

– А рядышком здесь, – обрадовавшись, потянул он меня в сторону парка. – Тихо и уютно. Или, может, со мной на футбол?

– Нет, – покачал я головой. – Мне не до этого.

Действительно, дела наши с Федониным были плохи. И ладно бы, что мало получалось от наших хлопот, что результата никакого, что Игорушкин распёк. Другое заедало. С той поры, как старший следователь, а потом и я начали приглашать в кабинеты служителей церкви в приметных одеяниях, отношение сослуживцев к нам изменилось. От напряжённого удивления оно переросло в азартное любопытство, подзуживание, а потом в подозрительное отчуждение. Дело в том, что и старший следователь, и я на все их вопросы отвечали категорическим, а потом и злым молчанием. Естественно, что аналогичное отчуждение скоро почувляли в ответ и мы. Федонин, не скрывая, тяжело переживал ситуацию.

– Два попа и были у меня! – возмутился он. – Чего все всполошились?

– И я дьякона приглашал, – добавил я.

– Разбираешься уже?

– А чего там...

– Вот. А они перебаламутились? Давеча сам Лейгин припёрся. Я ему твержу: «Деликатный вопросик поручил Петрович. Нельзя трепать лишнего». А он обиделся... дверью хлопнул.

– И со мной разговаривать перестали. Влипли мы в историю...

Так что мучились не только мы со старшим следователем, по-своему страдая от происходящего, переживал и нервировал не только следственный отдел, но и весь аппарат. Вот и сейчас потягивал я короткими блаженными глотками прохладный чудесный напиток, жмурился от удовольствия, но ждал: пройдоха Толупанчик не упустит случая, чтобы меня в который раз не попытать. Что ему соврать-то? Не расстраивать же за такое тихое удовольствие.

– Ты в Бога веруешь, Александр Сергеевич? – спросил я под настроение.

– Чего это ты?

– Ты же вопросы собрался мне задавать?

– Как тебе сказать?..

– Как коммунист коммунисту.

– А я беспартийный.

– Врёшь! Как же в прокуратуру попал?

– Сам не знаю.

– Не дури.

– У меня даже в дальних родственниках кто-то был, всерьёз этим делом занимался.

Беспечность его была беспредельна или он меня таким образом к себе расположить старался?

– Значит, чем мы с Федониным занимаемся, тебе не интересно?

– Врать не стану. Но не так, чтобы...

– Вот ты как? – я пылливо изучал невозмутимую физиономию приятеля, кружку с пивом к глазам приблизил; через золотое содержимое лицо его казалось расплывчатым и таинственным, глаз загадочно мерцал мутным зелёным зрачком.

– Заметь, – отстранился от кружки Сашок, и его лицо приняло тривиальное выражение, – я к тебе с расспросами лез?

– Ну не лез, – не отворачивался я от него. – И отцом Михаилом я тебя не удивил?

– А я его и без тебя знаю, – полез за сигаретами Сашок. – Бабка Ивелина его приводила, когда дед у нас умер.

– Вот как. Панихиду служил?

Сашок затянулся сигаретой, дым выпустил аккуратными колечками, и поплыли они друг за другом в небо, словно салютуя кому-то, наверное, его деду покойному.

– Дед Константин у нас серьёзный был человек. Он даже пострадал в своё время от советской власти. Не веришь?

Я пожал плечами:

– В Гражданскую войну кого только не было: и зелёные, и синие, и белые...

– В девятнадцатом году он в такой переплёт попал, что с ним сам Киров разбирался.

– И что же? Судили его? – наострил я уши.

– Да. Он за арестованных священников хлопотал. Ну и его под одну гребёнку. Если бы не Мироныч, угодил бы к стенке.

– Верующим был?

– В церкви, – кивнул Сашок. – На вторых ролях, но при архиерее местном. Того расстреляли как врага народа, а деда отпустили, но в тридцатые всё же угодил в места не столь отдалённые. Бабка Ивелина с ним уехала. Из Сибири возвратились уже после войны.

– Погоди, погоди, – отставил я недопитой кружку. – Ну-ка расскажи мне про своего деда подробнее. Что за человек? Чем он перед советской властью провинился?

– А я больше и не знаю ничего. Церковь между собой тогда дралась. Разделилась она на новых и старых. Тебе бабушку Ивелину спросить. Только она после тех... поездок заговаривается иногда. Но память!.. По именам своих знаешь как шпарит! Тех, с кем деда забирали. Только оттуда они вдвоём и выбрались. А теперь вот одна осталась.

– Это ты мне в ответ? Лейгин у Федонина с косяка дверь чуть не сорвал. Ты тоже туда?..

– Да мне на ваши секреты!..

– Вы словно маленькие дети!

– Знаешь что!.. – закусил Толупанов губу и даже побелел.

Вот тогда до меня докатило, что не открыться ему после того, что услышал, совесть не позволит.

– По правде сказать, Санёк, я и сам до сих пор ничего толком не пойму. Тайны-то особой, секрета какого нет. Петрович, правда, предупреждал, чтобы никому. Но эта такая чертовщина. И чем дальше вглубь, тем темнее. Мы с Павлом Никифоровичем куда ни ткнёмся, везде тупик... И труп в первый же день!

– Какой труп? – вытянулось лицо моего приятеля.

И я решился ему рассказать. Не всё, конечно. Детали опустил. А когда замолчал и Сашок по своей привычке зачесал затылок, я его за руку и за собой.

– Куда? Я на футбол опаздываю, – вскинул он руку с часами.

– Нужен нам помощник, – тянул я его за собой. – Федонин небось со Змейкиным сейчас у себя возится. Вот я ему тебя и представлю.

Глава VIII

Холодом дохнуло из распахнутой двери, холодом и предчувствием новой смерти. Капитан угро Донсков, хмуро зыркнув на расступившихся полуодетых сонных зевак, подумал: «Соседи тут как тут, кто же среди ночи соберётся...» и прошёл в квартиру. У постели копошились врачи «скорой», чуть раньше он заметил их машину у дома.

– Как? – бросил он главному в синей шапочке.

– Жива.

– Что?

Тот пожал плечами.

– Что? – повторил, выдохнув.

– Да вроде ничего. Спит.

– Как? А вызов?

– Я звонила, милоч, – выступила на шагок махонькая старушка в накидке до пят. – И им, и вам. А её и теперь привести в себя не могут. Чего ж мне думать? Жива – не жива?

Донсков перевёл глаза на доктора.

– Жива, жива, – кивнул тот и отмахнулся от старушки, как от надоедливой мухи.

– Значит, вы звонили в милицию? – осмотрелся Донсков. – А чего окно настезь?

Он понял, почему холодно стало ему в дверях, из окна сквозило.

– Утечка газа?

– Утечка? – поднял брови врач. – Да нет, кажется... Хотя?.. Мы не проверяли...

Донсков бросился на кухню, сунулся к газовой плите, кажется, нет; ручки обеих горелок прикрыты; он осторожно втянул ноздрями воздух, приник ближе – не пахло.

– Запах сгнившего, – подсказывал сзади врач, – протухших яиц.

– Чисто, – выпрямился Донсков и шагнул назад к постели. – Чего она не движется?

– Она глазок не открывает уже более часа. Я её и так и этак. С одного бока на другой. Помёрла Серафимушка моя ненаглядная! Сгубили её вслед за Дмитрием Филаретычем, – плаксиво запричитала тонким голоском старушка, кутаясь в накидку.

Получалось у неё почти профессионально, Донскову почудилось отпевание по покойнику, он вздрогнул, нагнулся над Семиножкой, лицо той с запавшими синюшными щеками, с чёрными кругами в глазницах и сомкнутые, казалось, навсегда веки пробрали его до мурашек на спине.

– Доктор! – вскинулся он на главного.

– Жива, жива, – кивнул тот, успокаивая. – Бабушка вам и не то ещё расскажет. У женщины глубокий сон после стресса на почве перенесённых потрясений. Она, оказывается, двое суток без сна. Переживала, то, сё. Бывает такое. Летаргическим сном это не назвать, но что-то похожее. В медицине не редкость и всегда на почве чрезвычайных событий, одним словом, потрясений. А бабушка...

Врач поджал губы, оглянулся на посторонних в дверях и, нагнувшись к самому уху капитана, прошептал:

– Она нам тут такое плела! Призраки ей мерещатся. В окно один сиганул на её глазах.

Донсков отстранился от доктора, подозрительно глянул на безобидную с виду старушку. Доктор тоже отступил на шаг и, уже не хоронясь, закончил:

– Бывают, кстати, и такие эксцессы. Матрёна Никитична вот несколько суток тоже бодрствует, но успевает и в церковь по утрам и вечерком, и за Серафимой Илларионовной приглядывать. С ног сбилась, наверное.

– Сбилась, милоч, сбилась с ножек как есть.

– Вот. Слышите? Тут всякое причудится.

– Да что ж причудится, милоч? – не унималась старушка.

– Ну мы пойдём, – доктор нагнулся над своим чемоданом, засобирался, а Донскову опять шепнул: – Вы её всё же послушайте. Может, для вас это интерес и представляет. Но я не стал бы доверять таким фантазиям. Ей бы тоже выспаться как следует. Вы поинтересуйтесь, у них вся квартира в иконах, церкви не надо. Тут голова сама кругом идёт. Да ещё покойник. Выяснили, отчего муж скончался?

Донсков только закашлялся.

– Ну, ну, – понимающе закивал доктор. – Ладно, звоните если что.

– А эта? – глянул Донсков на безмолвную, стынувшую пластом Семиножку.

– Не беспокойтесь. К утру, ну к обеду она глазки откроет, как та спящая принцесса. Если желаете, я санитарку пришлю, чтоб посидела. С бабки-то спроса никакого.

– Вот за это спасибо, – проводил его до двери Донсков. Пожал руку и соседям, не спускавшим с него глаз, вежливо отчеканил. – Всё нормально, граждане. Сами слышали, что доктор сказал. Расходитесь. До утра как раз успеете выспаться.

– А мне как же? – ткнулась к нему старушка.

– Вас Матрёной Никитичной величать? – улыбнулся ей Донсков.

– Никитична, батюшка, Никитична, – поклонилась та.

– А мы с вами немножко покалякаем, не возражаете?

– Да куда же я? Я здесь теперь вроде как прописалась.

– Ночевать здесь оставались? – пододвинул ей стульчик капитан. – А может, на кухню пойдём. Раз уж вы здесь, так сказать, за хозяйку остались, угостите меня чайком. Мы с вами, как два домовых.

– Господь с тобой! Чего говоришь-то? – всполошилась старушка, прогневавшись от его слов. – Грех так на себя! Неверующий небось?

– Как же? Мы веруем, – засмеялся Донсков. – В своё только.

– Вот, вот. К чему домовых-то приплёл?

– Суровые вы, Матрёна Никитична, – повинился капитан.

– Да будешь с вами, – не смирилась старушка, наливая ему чай. – Доктора того тоже чаем угощала, пока вы не приехали, а он про меня вона что наплёл!

– А вы, значит, слышали?

– Не глуха, батюшка, не глуха. Да и не слепа, как он тебе обо мне размалевал.

«А бабка-то не из простых, – смекнул Донсков, – вон как её распирает от возмущения, надо послушать её, чем чёрт не шутит...»

– Да, доктор вроде ничего особенного и не сказал, – подзадорил он старушку. – Так. Поспать вам пожелал. От бессонницы-то, говорил, видения разные бывают, галлюцинации по-научному.

– Я не в том возрасте, батюшка, чтоб из меня дурочку строить. Грех на душу не приму. Ему сказала и вам повторю. Видала я его собственными глазами.

– Это кого же?

– Я за стенкой проживаю. Чуть шорох какой, у меня всё слышать. Дверь за Аркадием Викентьевичем закрылась. Я прилегла.

– Это кто такой?

– Знакомый покойного Дмитрия Филаретовича. Ну и, конечно, Серафимушки. Он к ней даже чаще заглядывал в бытность-то ещё мужа. Тот на выставку, ещё куда, а они, как голубки... Но ничего лишнего не скажу, не видела.

– Значит, Серафиму Илларионовну проводывал? – поторопил Донсков разговорившуюся старушку.

– Ну уж не знаю. В мудрёные игры они с Дмитрием Филаретовичем баловались, в шахматы.

– А вы легли, как Дзикановский ушёл?

– Ну какой там сон, – пожаловалась старушка. – Я, батюшка, двое суток ни в одном глазу. Она, Серафимушка, ключом своим от двери меня наградила, вот я и бегала, как бы с ней самой что не случилось.

«Прав был док, – начал злиться Донсков, прихлёбывая чай, – болтлива старушка, она, если не перебивать, до утра не кончит».

– Вот и мотылялась из одной комнатки в другую. И котёнок за мной, ему спать не даю.

– А?.. – заикнулся было Донсков, не вытерпев.

– А за полночь уже, – глянула на него старушка и пригнулась, даже зажмурившись, – учуяла я шаги у Серафимушки за стенкой. Я не спугнулась сначала, поднялась, думаю, Серафимушка моя, а и то, сколько ей лежать можно? Но что-то поздно уж.

Старушка на Донскова заговорщицки зыркнула одним глазком:

– У них упало вроде и опять шаги. Да не лёгкие, женские, я уж их изучила, что Серафимушки, что покойника. Эти чужие! Грозные! Да тяжёлые!

Донсков только языком цыкнул.

– Я ухом к стенке и припала. А шаги – чую, как есть чужие. Меня всю страхом так и прошибло: как же я прошляпила! Не слышала, как к ней гости ночные нагрянули! А там уже двигать что-то начали, похоже, как стулья, и упало опять что-то. Я уж теперь думаю, впотьмах он там шастал. Искал что-то. Поэтому и ронял.

– Кто?

– А вот уж не знаю, батюшка. Только я, себя не помня, может, действительно, что нашло или испугалась шибко, ключ схватила и к ним! Открываю, а он на подоконнике стоит!..

– Кто?

– Спроси, что полегче, батюшка, – старушка давно свою чашку на стол поставила и руками за краешек стола вцепилась, но пальцы её выдавали, подрагивали. – Я вскрикну, а он за окно-то и свалился.

– Кто же это был?

– Да чёрт и был. Нечистый не иначе.

– Второй этаж у вас, – подошёл Донсков к окну и вниз глянул. – Тут костей не собрать. Так бы и валялся. А ведь пусто?

– И я, батюшка, к окну осмелилась, когда в себя от страха пришла.

– Ну?

– Никого.

Глава IX

Наконец-то мы приблизились к разгадке! Бабка Ивелина, здравствующая свидетельница тех событий, в наших руках! Конечно, она своими глазами видела архиепископа Митрофана и откроет нам тайну его бесценного креста, канувшего в Лету. Это была не просто удача. Это!..

В две пары глаз взирали мы с Федониным на Сашка так, что в перекрестии этих восторгов в минуту тот выкатил колесом тощую грудь и левую руку заложил за поясницу, задрал вверх нос. Ему бы сейчас треуголку!

– Орёл ты наш! – с чувством похлопал его по плечу старший следователь. – Вон оно как в жизни. Оказалось всё рядышком. Где бабка-то драгоценная? Неотложку за ней снарядить? Я мигом.

– Зачем неотложку? – расплылся в ухмылке Сашок.

– Ну как же? Лет-то ей сколь?

Дело в том, что уговорить или силком утащить Толупанова в тот памятный вечер к Федонину из Ленинского парка мне не удалось. Он всё-таки удрал на футбол, пообещав, что утром бабка Ивелина зайвится собственной персоной.

– Бабулька в отличной спортивной форме и по врачам не скучает, – хитро прищурился Сашок. – До солнышка в церковь сбегает, а уж оттуда сюда заглянет. Небось уже во дворе прохлаждается. Быстра на ноги.

Федонин так и обомлел, а я в окно вывалился.

– Вон она! – сунулся за мной Толупанчик и радостно прикрикнул вниз:

– Бабуль! Ты чего там шныряешь? Дуй сюда. Тебя заждались.

– Разве можно? Со старушкой-то? – пожурил Федонин. – Не стыдно? Пожилой человек.

– Старушка? Вы её не видели. Сейчас убедитесь. Она фору любому из нас...

Договорить он не успел, дверь приоткрылась бережно, без стука, и к нам просунулась головка в светленьком платочке с проворными маленькими глазками – точь-в-точь внучёк, один в один Толупанчик, только морщинистей личико.

– Здравсьте вам, люди добрые! – выпалила старушка, и я вспомнил мультипликацию про колобка, там личики были и у деда, и у бабки, и у колобка конопатые и солнечные, это чуть рыжей, в общем, будто засияло в тёмном прокурорском помещении.

– Не ошиблась, кажись! – воспрощала она и к Толупанчику прижалась. – Запыхалась. Водички бы. Чего стоишь? Угощай.

Вот они, повадки толупановские, теперь понятно, почему он меня всегда опережал в столовой. Не растерялся Федонин, он уже подавал графинчик со своего стола, а стаканчик платочком протёр и на меня глянул. Я тотчас про стул вспомнил.

– Благодарствую, – ответила она и оглядела кабинет, вскидывая глаза в углы, будто чего-то искала, а не найдя, смиренно перекрестилась, опустив голову на грудь, присела. – Ты старший будешь?

Федонин смутился, заметив, как она покосилась на аквариум.

– Чего звал, мил человек?

– Бабуль, это главный следователь, – вступился Сашок. – Павел Никифорович. Он насчёт того архиепископа интересовался.

– Знамо, главный, – вскинула глазки старушка и в Федонина ими упёрлась, а глазки уже из добрых буравчиками острыми стали и засверлили старшего следователя, забуравили насквозь. – Таким великим, как наш убиенный владыка Митрофан, только самый главный человек и должен интересоваться. Говорил твой дед, Константин Мефодьич, мир его праху, что настанет тот день, когда правду захочет узнать мир. И вот оно! Свершилось! Вспом-

нили владыку Митрофана. Вспомнили безвинно убиенного. Благодарю тебя, Господи, что дал увидеть сейчас своими глазами! А я, грешница, уже верить перестала.

– Бабуль, – ткнулся Сашок к старушке, – ты постой. Ты послушай, что тебя спрашивать станут. Не спеши.

– А что мне спешить? – прогневилась она на внука. – Ты не встревай! Я сама вижу. Сюда я попала. К доброму человеку. Этот человек спросит, что требуется. Горя, что было причинено, уже не исправить. А я перед владыкой в неоплатном долгу. Не сберегли мы его... Я всю правду, как на духу. Вот вам крест!

И она неистово закрестилась.

– Да ты ж девчонкой тогда была, – одёрнул её Сашок. – Чего знала? В чём твоя вина?

– Одним воздухом дышала. Значит, и в ответе. А ты молчи, не с тебя спрос.

– Ивелина Терентьевна, – остановил старушку взглядом Федонин, – мне бы с вами обо всём поподробнее...

– За этим сюда и наведалась, мил человек, – отвернулась она от внучка. – Ты бы спровадил молодых-то. А уж мы с тобой одни... Чего они поймут?

– Слышали, бойцы? – сделал хмурыми брови Федонин, и мы заспешили к двери.

Глава X

Пригнувшийся, почти бегущий человек привлёк внимание старосты кладбищенских сторожей. Как и когда тот появился, Карпыч, задремавший на скамейке у часовни, враз и не заметил. Только вывернулся жёлтый глаз луны из-под набычившихся мрачных туч, дохнуло ветром с полуночного неба, и в мёртвом покое городского погоста заметалась пугливая одинокая фигура. Близок уже был совсем, спёртое дыхание и вроде как ругань слышались. Длинный лёгкий пиджак за спиной мешал бежать, задевал, цеплялся за колючие макушки оград, да так, что порой до Карпыча долетал треск рвущейся материи, впрочем, не останавливающий беглеца. Широкополую шляпу тот придерживал то одной, то другой рукой, перекидывая нелёгкую, видно, ношу. Лица не различить, незнакомец постанывал и болезненно припадал на левую ногу.

В такие дела сразу лучше не вмешиваться, и сторож прижался к скамейке, затих, про дыхание забыв, оставаясь незамеченным благодаря разросшемуся рядом кустарнику дикой розы. Похоже, беглец спасался от преследователей? Но за ним не гнались. Мчался, обезумев от страха, никого не замечая? Однако он следовал уверенный в своей тропке и строго придерживался одного направления, хотя перед ним расстиралось безбрежное море зловещих надгробий и крестов попеременно с редкими деревьями.

«В избу к могильщикам держит путь, – понаблюдав из своего убежища, смекнул староста. – Не иначе к Спиридонычу. Взбрёт же в голову шляться в такой час! Однако, верно, нужда?..»

Между тем незнакомец, не меняя направления, проследовал мимо притихшего сторожа, явно его не заметив, и начал удаляться.

«Спиридоныча ему не застать... – кумекал Карпыч, не сводя глаз с неожиданного ночного гостя. – С вечера Матвей Спиридоныч не в себе. Перебрал по случаю большой занятости. Горячий выдался денёк. Многих грешников земле предали. Попался знакомый Спиридоныча, расстроился тот, набрался водки, обычно не баловавший, отпустил вожжи. Братва, словно покойника, его самого на плечах с глаз долой в избу снесла...»

Карпыч перевёл дух, сварганил самокрутку махорочную, ни папирос, ни сигарет его организм не признавал, засмолил не спеша, успокаиваясь, в рукав огонёк пряча. «К Спиридонычу, не к Спиридонычу, – закрутилось в его голове, – а ему, охранному старосте, знать всё следует. Тем паче, припёр тот кладь неведанную. А на погост абы с чем не заявляются в полночь да озираясь...» Он с тоской глянул на свою клюку и так и сяк повертел, палка она палкой и останется, как ни крути. «Не позвать ли Артёмку с западных ворот? – шевельнулась в глубине мыслишка, но он тут же её приструнил. – Сдюжу! Да и не станут же морду бить, если сцапают. Его как облупленного мужики знают. А ему что? Ему только убедиться, к кому поздний гость...»

Он не ошибся. Незнакомец замедлил ход, приблизившись к двери покосившейся от времени ветхой мазанки. Бросил ношу к ногам, отдышался и постучал. Барабанить ему пришлось долго, наконец в маленьком оконце появился свет керосиновой лампы, дверь отворилась и захлопнулась, его поглотив.

«Ну вот, птичка в гнезде и очутилась. А мне всё равно, где коротать, – начал подыскивать и себе удобное место Карпыч, оглядывая землянку. – Утром и разберёмся. А спяну да со сна невесть как обернулось бы...»

Глава XI

Выйдя от Федонина, я так закрутился в тот день, что к себе в кабинет попал только к вечеру, уже в восьмом часу забежал над бумажками посидеть: чёткий Колосухин несколько раз напоминал про обобщение жалоб, и я промотался в городских прокуратурах, собирая необходимый материал; зампрокурора области не вспомнит прошлые заслуги, у него чтобы в отделе кипела работа, которая планом определена от коллегии к коллегии, а там уж занимайся, чем хочешь. Впрочем, насчёт «чем хочешь», я, конечно, загнул, чем положено, это – да.

Уже в коридоре меня подстегнул трезвон телефона. «Очаровашка! Кто ж ещё разыскивать станет, – подумал я и прибавил ходу. – Стряслось что-нибудь с её бухотчётом, не пришлось бы мчаться в детсад...» Сынишка наш заботливыми родителями был зачислен в продлёнку; мы, конечно, старались пораньше забирать страдальца, мучительно было зреть, каким несчастным болтался он в одиночестве по детской площадке в ожидании бессердечных родственников, но получалось у обоих не всегда.

– Ты где прохлаждаешься, боец? – услышал я голос Федонина, схватив трубку.

– Рабочее время кончилось, – злости моей не было предела, на стул брякнулся и выдохнул: – Имею полное право.

«Не иначе старый лис в окошко меня высмотрел, пока я остановился во дворе с Лидой Угливой поговорить, – догадался я. – Нет от него спасения! Специально подждал».

– А чего на ночь глядя?

– Вы думаете, у меня других забот нет, кроме этого Семиножкина?

– Дела делами, а поручение прокурора на первом месте должно значиться.

– А вы защитите, если Колосухин со службы погонит?

– Сочтёмся славою, – сменил тон на миролюбивый Федонин. – Ты подходи, подходи!

У меня столько всего! Голова кругом идёт.

Лишь я к нему на порог, он протокол допроса протянул и так значительно, словно ценность какую.

– Откуда? Мы вроде проверкой занимаемся?

– Всё, мой дорогой, – похлопал он меня по плечу. – Возрадуйся. Считаю, легализовались. Теперь ты защищён.

– Не понял?

– Петрович дал команду возбудить уголовное дело. Так что с первым допросом тебя, Палыч!

– Бабка Ивелина чудес наговорила?

– Ивелина Терентьевна, само собой, женщина обстоятельная. Тут другое. Вот глянь заключение экспертов по трупку Семиножкина, – и он подал папку с бумагами. – Отравили его. Причём так искусно, что Борджиа позавидовал бы. Едва Константиныч разнюхать смог. Он нас чего так долго мутузил, тянул с выводами? Сам сомневался. Поэтому в Москву анализы посылал, но когда и те подтвердили!.. Порадовался мне: теперь новую методику у нас применять начнут. Незачем будет лишний раз столице докучать.

– Ему-то радость, а нам слёзы утирать! Сколько времени попусту утрачено...

Я вспомнил тот поздний вечер, когда очутился в доме покойника, алтарь церковный во всю стену, Семиножкину с безумными глазами и их соседку, всё время молящуюся в углу, пока я торопился с осмотром тела. Тогда уже муторно было у меня на душе, словно придавило неведомое предчувствие надвигающейся беды. Да что там! Беда-то уж свершилась. Канул в небытие Семиножкин. Не успел заявление накатать и на тот свет заторопился. Больно уж всё выглядело подозрительным.

– Нераскрытое убийство имеем. Милиция нас и обвинит, – у меня вроде как все зубы разом занули. – Сыщики такой вой подымут!

– Ты не забывай про содержание, Палыч, – тоже поморщился Федонин. – Форма в нашем случае не главное. А до сути мы добрались. С опозданием, согласен. А если бы отравителю удалось вокруг носа нас обвести?..

– Не наша заслуга, – раздосадованный, я ткнулся в протокол допроса Ивелины Терентьевны Толупановой.

– Вот, вот. Делом займись, – поостыл и старший следователь. – Весь день на нервах. Ты не видел Петровича, когда я ему докладывал заключение медиков. В шоке был. Смерть Семиножкина его ещё на первых порах будто подкосила, а когда я ему про злодейское отравление заикнулся, видел бы ты его лицо! У него же давление!.. Я перепугался, без врача не обойтись. Заварили мы кашу...

– Вы не совсем точны, Павел Никифорович, – оторвался я от бумаг. – Если кто и затеял эту историю, так сам Семиножкин. Теперь нет сомнений, что он чуял недоброе, раз решился довериться прокурору области.

– Мы с тобой не всё знали, – поджал губы Федонин и снизил голос до шёпота, хотя, кроме нас двоих, в кабинете никого не было. – Петрович обмолвился, что ему по этому поводу звонил сам председатель облисполкома. Но тоже... просил не афишировать.

– Думенков? А ему-то что?

– Его интерес к диковинкам всяческим известен, – шептал Федонин. – А тут древняя редкость! Представляешь, как бы заговорили об области, найдись историческая драгоценность! На всю страну можно прогреметь!

Федонин даже глазки закатил и был, наверное, прав, но меня разбирало совсем другое:

– Думается, у покойника и личная корысть имелась. Он, несомненно, сам пробовал отыскать реликвию. И неизвестно, на какой стадии у него нужда в прокуратуре появилась. Не стоял ли он на самом краю? А уж загнав себя в тупик, сунулся к нам?..

– Вполне. Я тоже об этом кумекал. Но теперь-то руки у нас развязаны; раз дело уголовное возбуждено, возможности наши возросли. Ты читай-то протокол. Мне Ивелина Терентьевна разоткровенничалась, что крест, который мы ищем, был личным подарком патриарха Тихона архиепископу Митрофану при назначении в нашу область. Во как! Он не алмазный, а выполнен с помощью золотого литья, с камнями драгоценными и в центре имел изображение распятия Христа-Сына.

– Сына? Это как?

– Тебе что же лекцию почитать? Бог един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух. Он у них в трёх лицах или Ипостасях, равнославных, равновеликих, не сливающихся между собой, но и не отдельных в едином Существо.

– Эко вас просветила-то бабка Ивелина! – вскинулся я на Федонина, впервые его таким увидел, действительно в лице его были перемены.

– Нехристь небось?

– Чего?

– Некрещёный?

– Мать Татьяна рассказывала, что тайком от отца в церковь всех нас семерых носила...

– А-а-а-а... – зацокал языком старый лис. – Вот она, русская душа! Всё тайком!

– Душа – понятие запредельное. Вы-то сами как?

– Что?

– Веруете?

– Чтобы верить или не верить, надо знать. А тайна Бога и его троичности недоступна человеческому разуму. Но она, думается мне, всё время предлагается нам к понятию. Только суетимся мы, спешим все, не остановимся, поэтому и не замечаем.

– Это как же?

– Как? – старый лис всерьёз задумался. – Трудно всё объяснить... Ну, предположим... свет, тепло... Они считают, что это Его присутствие.

– Физика и астрономия, – чуть не прыснул я от смеха в кулак, но вовремя одумался, слишком серьёзен был Федонин. – Солнца это продукты и явления. Вам бабка Ивелина, Павел Никифорович, мозги здесь пудрила, а я вот не поленился, тоже вас удивить кое-чем могу. Только не из таких сомнительных источников, как столетняя старушка, а из хранилищ серьёзных, государевых.

– Ну, ну... Давай из серьёзных.

– Я в областной библиотеке и архиве не без труда откопал кое-что про архиерея Митрофана.

– Интересно.

– Он не только видным церковнослужителем был. И не только известным богословом.

– Так, так...

– Дмитрий Иванович Краснопольский, это его мирское имя, сын каменщика из Воронежской губернии, после окончания Киевской духовной академии, пройдя необходимую подготовку, инспектировал православные учреждения и храмы, объездив пол-России, заслужил почёт и уважение, как непреклонный служитель патриарха, но в своей среде прославился тем, что посвятил свою жизнь возрождению памяти казнённого в своё время повстанцами Степана Разина архиепископа Астраханского Иосифа.

– Которого Васька Ус с раскола сбросил?

– События тех лет по-разному толкуют историки. Всё башню ту искали, ругались – та, не та, а теперь оказалось, что башни той вообще нет в Кремле, снесли её давно.

– Порушено было много, без разбора и счёта.

– Но про Краснопольского я ещё не всё рассказал. Среди особо приближённых Митрофан слыл у патриарха Тихона лицом, можно сказать, исключительно доверенным, за несколько лет до начала Первой мировой войны Тихон делегировал его в Государственную думу депутатом, и тот пять лет достойно защищал интересы церкви от черносотенцев и других разных наскоков противников, за эти заслуги Митрофану была пожалована одна из самых почётных наград – орден Святого Александра Невского и только летом тысяча девятьсот шестнадцатого года он был назначен в наш город, получив через два года звание архиепископа.

– Фигура! – поджал губы Федонин. – Что и говорить. Генерал, если на воинское звание перевести.

– Берите выше. Владыка! Так у них именуют этих лиц.

– Маршал, что ли?

– Почти рядом.

– Значит, со своего плеча одарил его патриарх Тихон и орденом, и крестом тем бесценным. Завистников у него было, видать, множество. Любимчиков всегда поджидает лютей злодей с ножом за пазухой. Из века в век так было. И на крест его нашлись длинные руки. Кстати, куда орден-то задевался? В музее краеведческом не удалось побывать? Может, там что имеется?

– Там только революционные листовки и маузеры комиссаров.

– Что это ты так?

– Да кто же разрешит церковные реликвии там хранить? Тем более расстрелянного заговорщика?

– Да, да... Заговорились мы с тобой, – полез Федонин за портсигаром.

В дверь тихо постучались.

– Войдите! – гаркнул старший следователь, хмуро скосив глаза мимо меня. – Не иначе нечистая сила кого принесла. Совсем уже на ночь глядя.

В кабинет ввалился бодрый розовощёкий капитан уголовного розыска Донсков. Вид его был не только оптимистическим, но даже игривым. «Не знает ещё про убийство, – подумалось мне, – сейчас у него настроение нормализуется...»

– С кисточкой вам, дорогие начальнички! – с порога ухмыльнулся Донсков. – Не ждёте гостей?

– Смотря с какими вестями, – сощурился Федонин. – Если с плохими, сразу разворачивайся. У нас этого хватает.

– Это как сказать, – ещё шире улыбнулся тот. – Я вот с призраком давеча чуть не встретился. Вам, кстати, привет от Матрёны Никитичны.

– Это кто ж такая? – мы оба носы так и вытянули, за Донсковым всякое водилось, чего он не умел, так это шутить по-человечески.

Глава XII

– Вот и пришла в себя, голубонька, – запрочитала Матрёна, всплеснув руками, – вот и открыла глазоньки. Слава тебе, Господи!

Старушка наклонилась над Семиножкиной, приподнявшей тяжёлые веки, чмокнула её в щёку, не удержавшись от радости, и побежала на кухню.

– Сейчас я тебя попою, покормлю. Сестричка наказывала, чтоб тебе первым делом водички. Сколь спать-то!

– Никитична, – пошевелила запёкшимися губами Серафима. – Что со мной?

– Да кто же знает, – бежала та уже назад с чайной чашкой в руках. – Доктор сказал, бывает такое, сестричку оставил за тобой присматривать, день минул, она ушла, умаявшись, народу перебивало, считай, весь подъезд, а ты всё не в себе. Дал Господь, очнулась, матушка.

– А что же? – подала слабый голос вдова, отпив из поданной чашки. – Спала, что ли?

– Спала, голубонька. Как не спать. Доктор обещал к обеду, а сейчас уже вечер на дворе.

– Доктор? А Аркадий Викентьевич отлучился?

– Да ты не помнишь ничего? – и соседка, присев у постели, принялась рассказывать вдове всё, что произошло с прошлого дня. – Тут у нас цельный консилиум топтался. Я же и скорую, и милицию! Перепугала ты всех, матушка.

– А милицию зачем?

– Как же! А ворюга! Собственными очами видела его, голубонька. Думала, убил он тебя. Нет. Лежишь без кровинки в лице. И не дышишь. А он с окна так и сиганул.

– Здесь же Аркадий оставался! – вырвалось у вдовы, округлившей глаза. – Господи! С ним что?

– Помнишь, матушка. Помнишь, голубонька. Ну вот, память и возвращается. Может, видела что?

– Да при чём я? С Аркадием Викентьевичем что?

– А его и не было уже. Я же тебе только что всё, как есть, поведала. Что с тобой?

– Аркадий Викентьевич возле меня беспокоился. А потом как провалилась. До сих пор голова раскалывается, – обхватила голову обеими руками Семиножкина, тяжело приподнялась и села на кровати. – Видения непонятные и шум в ушах.

– Вызвать «скорую»?

– Обойдусь.

– Звони в милицию, – подхватила со столика телефонный аппарат соседка и сунула ей. – Номерок мне оставили.

Она вытащила из кармана халата листочек, нацепила на нос очки, прочла громко:

– Донсков Юрий Михайлович. Серьёзный мужчина. Больше твоего Аркадия в два раза.

– Да что же с ним?

– А спит, поди, твой Аркадий. А тот, из милиции, приказал немедля звонить ему, как очухаешься.

– Я всё же сначала Аркадию Викентьевичу...

– Это уж ваше дело, – обидевшись, поджала губы соседка, но не отошла, засуетилась возле Семиножкиной, постель на кровати поправлять принялась.

Трубку на другом конце провода никто не поднимал, сигналы возвращались обратно, терзали слух длинными нудными гудками, мотали нервы.

– Спит? – соседка присела рядом. – Да и что ему сделается? Звони в милицию, Серафимушка.

– Да что же в милицию? Я жива, здорова.

– И ты мне не веришь? Говорю же, гремел кто-то у вас в зале. У меня слух чуткий. Лазил там жулик. А может, и украл чего, если бы я его не спугнула.

– Кому быть, Матрёна Никитична? – махнула ладошкой Семиножкина. – Причудилось. Ключи ведь только у тебя. Дверь, гляжу, не сломана. Разгрома никакого ты не видела, сама сказала.

– Да ты встань. Глянь сама, голубонька, – забегала соседка вокруг кровати. – Ты со сна-то впрямь не в себе. То я второпях да впотьмах, а то ты сама. Чего мне понять! И милиционер не присматривался особо, сказал, когда хозяйка подымет, заметит чего неладное, тогда и станет он меры принимать. Вот ты и пройдишь, может, унесли чего.

– Невмочь мне, – покачала головой Семиножкина. – Голова болит, как чумная я вся. Аркадий бы был...

– Да что значит твой Аркадий?

– Одна я осталась, Никитична, одна, – расплакалась вдова. – Навалилось всё на меня. Когда Дмитрия Филаретыча привезут? Не сказали ещё?

– Сказали, матушка, сказали, – всплеснула руками соседка. – Забыла я с перепугу. Бегала к медикам Тоська с первого этажа, успокоили её: завтра хоронить можно.

– Завтра? – Семиножкина совсем побледнела, упала грудью на подушку. – Не перенесу я похорон, Никитична. Сама помру.

– Вызову-ка я «скорую», – бросилась старушка к ней за телефоном.

– Не надо, – встрепенулась та и прижала аппарат к себе. – Чего зря булгачить? Я ещё раз Аркадию Викентьевичу позвоню.

Но в квартире у Дзикановского телефон не брали.

– Странно, – прошептала вдова. – Ну нет его, ушёл куда, а как же Мирчал?

– Что за Мирчал? – сунулась к ней соседка.

– Убирается у него... женщина, – отвернулась к окну вдова, назойливая старушка явно ей досаждала.

– Вона каки дела! – поджала та губы. – А я всё гадала: женат наш Аркадий Викентьевич, не женат? Всё про деток узнать хотелось. Летов-то ему сколь?..

– Одинок он, – раздражённо оборвала её вдова. – А Мирчал эта по дому прибирает, готовит, присматривает. Узбечка или турчанка. Приятель Аркадию Викентьевичу порекомендовал. Вы же знаете, Аркадий Викентьевич далёк от всего этого... Он, как и Дмитрий Филаретыч, на одном помешан...

– Ну да, – согласно закивала соседка. – Одинокому мужчине, да ещё интеллигентному, конечно, тяжело без этого... Как же? И прибраться, и обстирать. Да и не стар ещё Аркадий Викентьевич...

– Вам бы только это!.. – в сердцах скривилась вдова, не выпуская телефона, она накрутила вызов ещё раз.

У Дзикановского молчали.

– Ты в милицию звони, матушка, – потвёрже, понастойчивей выговорила соседка, будто осуждая. – Или давай уж вставай. Вдвоём с тобой осмотрим квартиру. Уж больно строг тот служивый. Он ведь обещался опять зайти. Ждёт небось мово звонка.

Семиножкина покачала головой, будто не соглашаясь, но поддерживаемая соседкой, встала и вместе они прошли в большую гостиную, включив свет.

– Что же тут смотреть? – повторяла вдова, горько вздыхая, поглощённая своими мыслями. – Что я не видела?.. Всё на месте. Сюда бы Дмитрия Филаретыча... Сам бы он... А мне что знать?

В тусклом свете низкого торшера мрачно поблёскивали тёмным золотом рамы картин на стенах, грустно перемигивались лики святых на иконах.

– Он над ними, как тот скупой над сундуками. Меня не допускал. – Семиножкина, покачиваясь, едва держась на ногах, опиралась на соседку. – Тут у нас и света нет верхнего. Дмитрий Филаретыч не любил яркого освещения. Свечи всё предлагал. Я на торшере этом настояла. Сам и список вёл всему. Сам пересчитывал регулярно. У него с учётом строго было поставлено. Тетрадочку вёл.

– Как же один справлялся-то, – покачала головой старушка. – У вас же уйма всего!

– Прибираться никого не приглашал, – приплакнула вдова. – Боялся чужого глаза. Всё дверь железную мечтал установить в прихожку и решётки на окна. Только одному Аркадию Викентьевичу и доверял.

Они прошли в зал.

– Зажмурь глаза-то, – Семиножкина слегка подтолкнула соседку, щёлкнула выключателем и большая люстра засияла, запылала над потолком.

Всё вокруг слепило и горело золотым сиянием.

– Свят! Свят! Свят! – охнула старушка. – Я и в храме Божьем такого редко видывала.

– Его коллекция, – вдова поискала глазами, где бы присесть, ноги явно отказывались ей служить. – Кроме картин и икон, он здесь и не держал ничего. Я ему и то, и другое намекала, про шкафы да стол со стульями. Не часто, но захаживали к нему гости из таких же, как они с Аркадием Викентьевичем... коллекционеры. Не посадить, не угостить. А ему всё нипочём. Твердит, бывало: вечное и святое, что здесь собрано, требует, чтобы перед ним на ногах, а уж если не держат ноги, то наземь и головой об пол.

– Да что же это, матушка? Это ж не храм! Грех, наверное, дома держать такое?

– Не знаю, Никитична. Ничего не знаю.

– Что же теперь делать с этим будешь, Серафимушка?

– У меня сейчас другая боль. Завтра хоронить надо Дмитрия Филаретыча, завтра...

Вдруг вдова замерла, наткнувшись на стул у одной из стен, и замолчала, испуганно его озирая:

– А это откуда?

– Ты про что, матушка? – перепугалась и соседка.

– Стул тут не должен быть, – побелевшими губами проговорила вдова. – У нас стулья на кухне. Ты принесла, Никитична?

– Да как же я, матушка? – закатила глаза старушка. – Я милиционеру тому дверку сюда в зал открыла, он голову просунул, огляделся и назад. А что? Пропало что, Серафимушка? Может, сама внесла, а после и не вспомнишь?

– Не знаю, – осторожно сделала шаг к стулу вдова. – Может, и забыла я. Тут и следователь бывал, когда осмотр Дмитрия Филаретыча приезжал делать... Но ему стул без надобности. Он на кухне протокол писал.

– А это что? – подняла руку старушка и прижалась к Семиножкиной.

Висевшая над стулом большая картина с изображением распятого Иисуса Христа, перекосившаяся, явно сдвинутая со своего места, обнажила край металлического ящика, искусно вделанного в стену.

– Что это у вас за Спасителем, Серафима? – затряслась от страха соседка, теряя голос и переходя на шёпот. – Никак здесь и шарил ночной ворюга.

Семиножкина ни жива ни мертва оперлась рукой на стену, пальцы её невольно коснулись железной крышки, и она сползла на колени, лишившись чувств.

Глава XIII

На кладбище, будь ты сам сторож или совсем отчаянный человек, если не конченный безумец, особо не поспишь. Как ни бодрись, а жутко. И мысли, конечно, допекают. Разные. Иван Карпыч Булыгин многое повидал, считай, три войны, а и он на дежурстве лишь подрёмывал и то, когда намедни на грудь принимал. Водку ни-ни, винца. С винцом-то живее себя ощущаешь. И думки короче. Всё кружится вокруг да около. «Трезвый, – откровенничал про себя Карпыч среди своих за стаканчиком, – я злой, как собака, и откуда всё наваливает, жизнь, видать, искусства, порой, себя боюсь, как находит, а как примешь на душу, она вся и расплывается...» Эта его особенность и по Дурному, кобелю его, замечалась. Тот поутру прятался от Карпыча, не найти, хоть свисти ты во все свои десять пальцев, а лишь староста на скамеечку к вечеру присаживался, бровь лохматую свесив чуть не до носа, пёс тут как тут, у его ног ласкается и получает от растаявшего хозяина положенное пропитание или лакомство какое.

Проголосили вдалеке, где-то за кладбищем, очередные петухи, Карпыч вздрогнул, поднял голову, пнул пса ногой, тот взвизгнул легонько, чтобы хозяина зря не тревожить, – все на месте. Карпыч за пазуху сунулся, вытянул давний подарок – фляжку армейскую, принялся мусолить газетки кусок, самокрутку готовить. «Ещё час-два и рассвет, – поднял он глаза к небу. – Раньше лезть непрошеным в мазанку опасно. Спиридоныч и свой человек, а строгий. Попрёт взащей да ещё с похмелья. А то и в лоб смастерит, у него это лихо получается. Вроде улыбается, а клыками-то не прочь попробовать чью шею...»

Тучи так и носились по небу. Ещё сильнее ветер к утру разгулялся. Луны и след простыл, но светлело чуть-чуть на востоке. Время своё поджимало. Карпыч запахнулся поглубже в пиджак, отхлебнул из фляжки, затянулся махоркой, с удовольствием выпустил струю пахучего дымка. Не выходил у него из головы старший среди могильщиков Спиридоныч. И не то чтобы со зла тот так себя вёл, покусывал самокрутку Карпыч, Спиридоныч без злодейского нрава. Должность у него такая. С его могильщиками иначе нельзя. Только зазеваешься, и натворит что-нибудь любой из его аховой команды. Как-то чуть не закопали одного вместе с покойником. И смех и грех! Полез тот, подвыпивши, конечно, подкопать могилку – второй гроб клали. Ну возится и возится. Народу не особо было и дело к вечеру, про него и забыли. Где Кузьма? Да вылез давно. А чего сидим? А кто его знает?.. Вниз покойника опустили быстренько, а сверху землю кидать начали, заждались все. Хорошо, тот из-под гроба крик поднял, а если бы заснул там?..

Карпыч хмыкнул даже, вновь вспомнив ту катавасию. Нет, с такой братвой Спиридонычу иначе не сладить. Кулак нужен крепкий. Теперь на кладбище такие дела стали твориться!.. Народ сюда приходит, как на праздник. Не с горем, а с музыкой и кончается драками или смертоубийством. А уж ворья этого!.. Объявились такие, что взяли моду покойников выкапывать и раздевать. Теперь в кольцах, да при костюмах кладут в землю. И распух иной, а отрезают пальцы да уши. Ни с чем не считаются.

Пёс почуял запах вина, встрепенулся, высвободился из-под его ног, хотел тявкнуть, но на хозяина глянул и передумал, сунулся ему холодным носом в руки – и мне давай.

– Обойдёшься, – прикрикнул на собаку Карпыч, хлебнул ещё винца из фляжки и морду пса рукой потеревил. – Тебе гулять нельзя. Что я без тебя? Как без рук!

Дурной встрепенулся и хвост распушил, изобразил грозного помощника.

А и то, без собаки, хотя бы и завалышей, тяжело, разное на кладбище творится последнее время. Тихое было место. А что теперь стало? Карпыч даже сплюнул от избытка чувств. Кого сюда только не заносит! Ладно хулиганье, пацаны напьются, кресты дёргать с дуру начнут, а то ведь и настоящие поисковики древних могил объявились. И чего ищут? В милицию заявляли пострадавшие, а толку? Да что далеко ходить! Взять того же Спиридоныча.

Это сверху он старший могильщик, бригадир, а ведь сколько народа к нему разного шастает, пакость и мразь сплошная! И сразу не догадаешься, не сообразишь, какой интерес у них. Вот взять хотя бы нынешнего. Чего его принесло в ночь-полночь в мазанку? И ведь мчался, как в дом родной. В нору глубокую, ища спасенье. Ишь пиджак-то разорвал небось в клочья! А Спиридонычу что-то приволок... Были у него в руках то ли сумочка какая, то ли чемоданчик...

Карпыч хотел отпить очередной раз из фляжки, но вовремя одумался, приостановился. Светать настаёт пора. Ему в форме следует быть. Не заснуть бы. Он пнул ногой пса, тот встrepенулся, забегал, запрыгал вокруг хозяина. Потянулся и сам Карпыч, поднялся на ноги, опираясь на палку. Сделает-ка он небольшой променад для спёкшихся ног. Заодно и мазанку осмотрит как следует, теперь уже сподручнее – заметно светлело. Дурной, мгновенно распознав намерения хозяина, опустил морду к земле и резво, изображая усердие, начал исследовать каждый встреченный кустик и столбик, ему тоже залежалось. Обойдя несколько раз жилище могильщиков и не усмотрев ничего подозрительного, сторож решил подобраться к двери, послушать ухом: света внутри не зажигали, но ему вдруг почудилось, будто за окнами задвигались люди, завозились. Едва он приблизился и уже нагибаться начал ухом, дверь распахнулась, и на пороге вырос сам бригадир в рубахе ниже колен с фонариком в руке.

– Вот бес! – вскричал Карпыч, закрывая лицо от света.

– Кто тут бродит по ночам? – ещё громче и свирепей рявкнул бригадир и замахнулся кулаком сшибить наотмашь неожиданного гостя.

– Спиридоныч! – успел взвизгнуть сторож, к земле присел. – Своих не узнаёшь?

– Откуда свои?

– Это ж я, Булыгин.

– Карпыч... – задохнулся громила, кулак опустил. – Зашиб бы до смерти. Ты чего под дверьми вынюхиваешь?

– Да я вот...

– А Сенька Прыщ в окно тень заметил. Бродит кто-то возле дома, говорит. Чего ты тут?

– А сам-то никого не замечал? – начал приходить в себя сторож. – Я по надобности.

– Я? Мы ж дрыхнем без... Если б не тебе явиться. Что случилось?

– Артёмка, помощник мой с главных ворот прибёг давеча. Кто-то на могилах опять шастает, кресты валит. В твою сторону, к мазанке вот, направился.

– Не видел никого.

– Может, твои ребята что заметили?

– Не было. Моё слово тебе не указ?

– Сюда ж побежали. Артёмка приметил, вроде как стучались к тебе?

– Дурак твой Артёмка. Пьян, наверное, как зюзя.

– Не пьёт он.

– Не веришь?

– Как не верить, Спиридоныч, – сторож переминался с ноги на ногу. – В милицию бы их сдать.

– Паскудный ты мужик, Карпыч, – сплюнул бригадир. – Ну заходи, сам проверь, сучья рожа. Разбужу своих орлов. Только тебе от них отбиваться. Если их разозлить, и я не удержу.

– Да я каждому твоему слову, Спиридоныч... – залебезил сторож, а сам уже нырнул мимо бригадира в дверь. – Здесь бы лампу засветить, башку сломишь.

– Тебе её и при свете расколют когда-нибудь, – выругался бригадир, шагнув следом и щёлкнул выключателем. – Подымайся, братва, к нам Карпыч с проверкой!

– Да какая проверка, Спиридоныч, – мялся, юлил тот, шурился со свету, а глазки его маленькие, но зоркие так и бегали, так и шныряли по помещению.

С полу на него таращились, ничего не понимая, снулые, полупьяные, не проспавшие физиономии. Лишних не было, все семь гавриков на полу, один к одному, восьмой сам бригадир, как остался на пороге, так и стыл с непогашенным в руке фонариком, зло поедая глазами сторожа.

– Ну? Нашел, кого искал? – подступил он к сторожу и уже готов был придавить его за горло.

– Да что же так, Спиридоныч? – заторопился к двери тот. – Я задам этому Артёмке. Пригрезилось стервецу. Я хвост-то накручу.

– Иди. Разбирайся, – сплюнул ему под ноги бригадир. – Только заруби себе на носу, если плести или трепать что на меня станешь, закопаю на этом же бугре и крест не поставлю.

– Прощевай, Спиридоныч, – выскочил из мазанки сторож. – Извиняй меня, старого. А Артёмке-то я сам уши оторву.

– Ты что ж, так его и отпустишь? – сунулся к бригадиру тот, которого Прыщём называли.

– А ты не понукай! – рявкнул громила. – А то и тебе башку снесу.

И шагнул из землянки вслед за сторожем.

Глава XIV

Как я себя ни мучил, а пересилить не мог; отложил протокол допроса, не хотелось дочитывать.

Федонин в другом конце кабинета за столом тихо беседовал с Донсковым, стараясь мне не мешать, обсуждали фантазии старушки – соседки вдовы Семиножкина; старший следователь не сдавался, упорно настаивал на предстоящем утреннем осмотре местности под окном у дома.

– С криминалистами своими посмотри, Юрок, – уговаривал Федонин. – Хуже не будет, а протокол не помешает. Дело теперь у нас. Нам теперь каждая бумажка нужна. Его ж искать придётся. Найдётся умник, ткнёт носом, если что.

– Кого искать? Беса из сновидений?

– Да уж не ангела.

– Я только рылом землю не пахал, – не сдавался капитан угро, – а так, чуть ли не языком каждый листочек на земле...

– Вот видишь! – тут же схватывал Федонин. – Не асфальт там. Мягкая почва. Поэтому без последствий для того уркагана. Должны следики остаться.

– Нет ничего.

– А в кусточках? В потёмках ты мог и не узреть.

Федонин был неестественно терпелив; он уважал, по-своему даже любил Донскова, их связывали свои давние доверительные секреты, известные только им двоим, другой бы сыщик и не сидел уже в кабинете, а сломя голову нёсся исполнять указания, а тут... сплошные любезности.

– А не хочешь своих, я попрошу Пашу. У нашего Павлика Черноборова знаешь какая сверхсовременная техника!

– Одна лупа чего стоит, – хмыкнул, не удержавшись, я. – Ещё со времён Шерлока Холмса.

– А ты чего? – кольнул меня взглядом Федонин. – Ты читай давай. Добиваешь? Там в самом конце про крест-то. Она старушка говорливая. Собственными глазами видела. И крест, и живого этого... Краснопольского. Читай, читай.

– Да как-то не вяжется всё, – поморщился я. – Больно уж попик этот получается у вас с ней...

– Что? Добреньким?

– Не то слово. Значительным каким-то. Будто из сказки.

– Во! – Федонин даже привстал. – Ты сам это сказал.

– Не таким он мне представлялся после книжек Холопова и Кремлёва. Хотя и там догадываться приходится. О заговоре полслова, о заговорщиках совсем ничего. Вакуум! Тайна за семью печатями! А с её слов!..

– Это уже не нам... – поджал губы старший следователь. – Я её за язык не тянул. Я ей высказаться дал, записал слово в слово. Всё по науке, как учили. А уж свои вопросы все потом. После передышки. Мы с Ивелиной Терентьевной и чаёк попили. Ты читай.

– Заговорщик с ангельскими манерами, – буркнул я. – И второй откуда-то появился? Какой-то немец, даже барон?..

– Леонтий, – подсказал Федонин, плечами пожал и добавил со значением. – Это заклятый враг архиерея Митрофана. Из обновленцев. Так получается со слов Ивелины Терентьевны. Епископ Леонтий декрет Ленина о церкви поддержал и раскол православной церкви возглавил, стал ярым противником архиепископа Митрофана. Но, конечно, не только его. Сам патриарх Руси Тихон возненавидел Леонтия. На то, оказывается, была своя причина.

Леонтий, барон по сословному происхождению, ещё будучи в Саратовской губернии в интригах и смутах был замечен. Потом изобличён. За это его звания лишили и отослали к нам. Сослали, доверив самую тихую никчёмную церквушку.

– А как же он в епископах снова оказался? – не терпелось мне. – Это ж по их понятиям не такая простая процедура. Да и должность высокая.

– Краснопольский хлопотал за него. Перед самим Синодом и лично патриархом Тихоном. После своего приезда и назначения к нам. Они в то время как раз друзьями стали – не разлей водой.

– Он, значит, за него, а тот против!

– Ну это потом. Когда революция грянула. Тогда сплошная круговерть и в делах, и в мозгах. Вот и церковь переделать желающие нашлись. Леонтия тут же на свой щит, как жертву рук самого Тихона обновленцы подняли – и вперёд! А революции так все и вершились. Кто наверху заправляет, те знали, что хотели, а внизу – все на глотку, да за душу. Пока разберёшься, где окажешься, не знаешь; хорошо, если при столе, – Федонин свой стол оглядел и бережно рукой погладил, приласкав, – а то и у стенки с девятью граммами в башке.

– Видите, как всё оборачивается! – оттолкнул я от себя листки протокола допроса тоже в сердцах, заразившись его пафосом. – Живые, да к тому же... – я запнулся, меня заклинило, с трудом подобрал я нужное слово, – церковнопослушные они как-то по-своему те события нам объясняют, а бумаг официальных у нас до сих пор нет! Мне отец Михаил в Покровах такого наговорил!.. И его братия, с которой мы с вами не один день возимся!..

– Терпение, мой друг, – опять поднялся из-за стола Федонин. – Терпение и спокойствие. У меня тоже... в сознании не комфорт, а после некоторых встреч с... представителями религиозных источников, можно сказать, совсем кавардак. Но я же не падаю в обморок, как дамочка какая?

Увесистый аргументец он мне преподнёс, нечего сказать. Нашёл словцо старый лис в присутствии представителя младшей группы правоохранительных органов! Это надо понимать, чтобы честь мундира не затронуть...

– Дело надо, – только и мог я сказать, отвернувшись. – Срочно истребовать архивное уголовное дело из КГБ, и всё встанет на свои места. А то гадаем на кофейной гуще. То к пипику, то к попадье нас...

– Между прочим, – прищурился хитрым глазом старший следователь, – у нас с вами, молодой человек, это называется старым добрым принципом.

– Да уж, конечно, – я не сомневался, что у Федонина для таких случаев припасена очередная зуботычина.

– С римского права, – начал он, постукивая себе в такт пальцем по столу, – в следствии действует принцип объективности, который требует всесторонность и беспристрастность исследования всех доказательств и их источников. Ничто не имеет приоритета. Никто и ничто не наделены правом дозвлет над следователем и тем более ставить точки в последней инстанции.

– Я что-то не понял, – стараясь разрядить обстановку, улыбаясь, неловко вмешался капитан Донсков и тоже поднялся. – Намечается реформа отечественной правовой школы? В коридорах нашей конторы я что-то не слышал...

– То в вашей конторе, – совсем недружелюбно поморщился Федонин, а мне отчеканил, не моргнув глазом. – Аудиатур эт альтэра парс¹, молодой человек. Не следует забывать.

Донсков так и сел, язык проглотив и ничего не понимая.

– Устал я с вами, – положил передо мной ключи от кабинета Федонин. – Да и поздно. Дома ждут. Закроешь кабинет, – и он двинулся к двери.

¹ Да будет и другая сторона выслушана.

– Павел Никифорович! – бросился за ним Донсков, но тот только ладошкой вяло махнул:

– Прощевайте. Потолкуйте тут без меня. Вам есть о чём. Только ты, Юрий Михайлович, не забудь. Утречком сделай, что я просил.

И скрылся за дверью.

– Он что? Обиделся, что ли? – уставился на меня Донсков. – Что у вас с ним за разговоры были? Что-то я не понял ничего?

– Так, – отвернулся я. – Сам не соображу. Вроде всё по пустякам. Может, с шефом у него разговор какой был ещё днём? Он толком-то мне и сам ничего не объяснил. Об отравлении Семиножкина заключение выдал и сообщил, что Игорушкин дал согласие на возбуждение уголовного дела.

– Однако... – почесал затылок Донсков. – А это? Чего это он абракадабру какую-то выпалил, уходя?

– Так... вспомнились старику студенческие годы.

– Ты не гаси, Палыч, – наострил уши Донсков. – Чего от меня-то скрывать?

– Да латынь это, – нехотя огрызнулся я.

– Ну это я понимаю, – наседал тот.

– Судейская присяга была в Древних Афинах, в ней содержатся такие слова. Означают примерно следующее: клянусь, что буду выслушивать и обвинителя, и обвиняемого одинаково.

– Конечно, – почесал затылок Донсков. – А как ещё? Погоди. А до этого о чём у вас разговор был? С чего это он на тебя?

– Это ты меня спрашиваешь?

– Он и домой что-то враз засобирался, – не отставал капитан. – Редко с ним такое происходит. Я, признаться, и не успел. Вот, хотелось по сто граммов с вами после, так сказать, долгого рабочего дня...

Он вытащил из-за пазухи бутылку коньяка и поставил на стол. Бутылка смотрелась одиноко и грустно на пустынной поверхности стола.

– Может, догнать? – кинулся он к окошку.

– Бесполезно. Старик не из тех, чтобы возвращаться, – махнул я рукой. – Не пойму только, чем я его задел?

– Ты вспомни, Палыч. С чего спор у вас зашёл? – уже доставал рюмки с полочки из шкафа Донсков. – Из закуски вот только яблоко.

Он выставил на стол яблоко. Огромное и зелёное на фоне золотистой жидкости в благородной бутылке впечатляло.

– Натюрморт, – совсем взгрустнулось мне. – Яблоко раздора.

– Ничего, – разливая по рюмкам, хмыкнул Донсков. – Сейчас вспомнишь, расскажешь, и я вас помирю.

Мы чокнулись и выпили.

Что я мог рассказать Донскову? Кроме недочитанного протокола допроса свидетельницы Толупановой Ивелины Терентьевны, темы у нас с Федониным не было. Уж больно сладка получалась в её длиннющих повествованиях личность этого преподобного архиерея Митрофана. Одно она пела со слов Константина Мефодьевича, помощника ключаря Успенского собора Дмитрия Стефановского, другое черпала из собственной памяти, но в обоих перзвонах однозначно возносила архиерея Митрофана как безвинную жертву.

– А Константин Мефодьевич, выходит, её муж? – налил по второй Донсков.

– Умер. Их, всех сторонников старой православной веры, которой придерживался патриарх Тихон и, конечно, архиепископ Митрофан, осудили за откровенное сопротивление декрету о церкви. Естественно, из тех мест многие не возвратились, но деду тогда повезло.

– А эта? Свидетельница?

– Их приговорили к ссылке за сопротивление изъятию церковных ценностей, – повторил я. – А она к мужу поехала в места отдалённые. Потом вернулись вместе.

– А обновленцев, значит, не трогали?

– Ты, капитан, совсем в этих вопросах не плаваешь, – уколол я надоевшего Донскова. – Хоть почитал бы чего-нибудь. Вон, Павел Никифорович меня раскритиковал, так я теперь профессоров экзаменовывать могу.

– То-то я гляжу, вы сцепились с ним нос к носу. Хорошо, я здесь оказался, а то неизвестно, чем кончилось.

– Истина требует, – подставил я рюмку и на бутылку кивнул. – Яблоко-то кислое прилобок, оскомины зуб съела.

– Это у тебя, Палыч, на другое оскомины появилась, – засомневался тот. – Я тоже не слепой. Заморочил вам обоим головы Семиножкин. Его уж нет в живых, а вам хлебать и хлебать.

– А себя забываешь?

Но, видно, пора было вмешаться ещё кому-то в наш разговор: подпрыгнул от звонка телефон на столе и умолкать уже не собирался.

– Это меня, – опередил Донсков и трубку выхватил из-под самого моего носа. – Я в дежурке предупредил, чтоб если что, здесь меня искали. У Федонина.

Говорил он недолго, только поморщился, как от зубной боли и выражение лица до конца разговора у него уже не менялось.

– Что ещё? – поднялся я собирать со стола. – Подвезёшь до дома?

– Павел Никифорович как в воду глядел! – Донсков трубку оставил, торопливо принялся мне помогать. – За что я его уважаю, так это за великое чувство предвидения. Будь он здесь, пришлось бы ему с нами вояжировать.

– Что такое? Ты можешь без своих шуточек, капитан!

– А куда нам без них? – Донсков уже улыбался мне всем набором имевшихся в его рту доброкачественных зубов. – Семиножкина не зря укололи. Вот она, разгадка тайны! Вдова, очухавшись, сейф нашла в стене. За картинами ховал его коллекционер церковной утвари. А вы с Никифoryчем спорите! Поедешь со мной? Сейчас машину пришлют.

Часть вторая

,в которой несостоявшийся врач, непризнанный знаток древних медицинских наук, бывший артист, поэт и фармацевт Аркадий Викентьевич Дзикановский претендует на главную действующую роль, но становится следующей жертвой таинственных и трагических событий

Глава I

Ранним ненастным утром, когда даже солнце, зацепившись за край сумрачного горизонта, ещё раздумывало всходить ему или повременить, на безлюдную тихую улочку из низкой подворотни вынырнула согбенная примечательная фигурка и, прихрамывая на левую ногу, заковыляла, придерживаясь ближайших стен. Похоже, это время было выбрано путником не случайно. Как ни тяжело давался ему каждый шаг, как ни нуждался он в посторонней помощи, что-то подсказывало – им движет большая нужда. Впрочем, возможно, имелась и другая причина: желание остаться незамеченным, пока город пребывал почти пустынным.

Человек этот был неказист, тщедушен и старомоден, можно сказать, дряхл и возрастом, и одеждой. Но в выдавшем виды костюме просматривались изящество и даже былое фатовство. На нём мешковато сидел когда-то великолепный, а теперь замызганный удлинённый пиджак, напоминавший дореволюционный сюртук, а на голове широкополая тёмная шляпа. Кроме всего прочего он курил трубку, что значительно мешало ему передвигаться, хотя он и опирался на дорожную трость. Последние детали могли характеризовать старика либо большим чудачком, либо человеком, попавшим в исключительную ситуацию, заставившую его воспользоваться в тяжёлой дороге тем, без чего не обойтись.

Когда на его пути оказался небольшой пустующий сквер, он вздохнул с явным облегчением, тут же присел на первую попавшуюся скамейку, снял с головы шляпу и устало вытер пот со лба. Вытащив изо рта трубку и осторожно оглядевшись, не особо поворачивая низко опущенной головы, он докурил её до конца уже совсем спокойно, аккуратно выбил и, бережно спрятав, тут же продолжил путь.

Может, его подгоняло ненастье? Не оставляя сомнений, назревал дождь, а то и ливень. Воздух, перенасыщенный влагой, неприятно мокрил лицо, ветер стих и совсем залёг. Минував несколько кварталов и, по-видимому, совсем обессилив, уже у самой набережной путник свернул в грязный переулок; асфальт кончился, а с появившимися тут и там колдобинами возникли новые трудности, однако по тому, как он ускорил, а не замедлил шаги, было ясно, что до конечной остановки осталось недалеко.

Нырнув в полуразвалившиеся ворота двухэтажного расплзающегося П-образного строения, он замер на площадке внутреннего двора, подыскав опору для спины в виде засохшего старого дерева. Со всех стен древнего жилища спускались вниз допотопными, но ещё крепкими лестницами деревянные веранды. Обычно с прикорнувшими, дремавшими кое-где пенсионерами, в этот час они пустовали. Отметив про себя эту приятную малость, старик хмыкнул удовлетворённо, вздохнул и постучал в дверь первого этажа. Ему никто не ответил, но он уже не спешил и терпеливо переждал несколько минут. Когда он опять достал трубку и, потискав её в ладонях, снова потянулся к двери, за его спиной из тёмного угла за лестницей неслышно выступил крепыш в серой куртке и легонько коснулся его плеча:

– Вы не к Аркадию Викентьевичу?

– Простите, – дрогнув, обернулся он.

– К Дзикановскому?

– Мне, собственно... видите ли... – замялся и совсем обмер он, заметив краем глаза второго в сером, двинувшегося из другого угла двора.

– Мы тоже к нему, – хмыкнул крепыш, не дав опомниться, легко распахнул дверь и толкнул его внутрь.

– Собственно, чем обязан? – залепетал он, но зажмурился от ударившего в глаза яркого луча фонарика.

– Юрий Михайлович! – крикнул кто-то сзади. – Как ждали. Явились – не запылились.

– Ты бы поосторожнее, поделикатнее с гостем, Фоменко, – ответил ему тот, кто держал фонарик, но было поздно, старик зашатался, схватившись за грудь и, словно подкошенный, рухнул наземь.

– А, чёрт! – выругался кто-то. – Предупреждал же я вас! Что теперь, врача вызывать?..

Глава II

– Сергей Анатольевич! Ну вы скоро? – допекал нудным голосом за окном шофёр Сеньюшкин.

– Сейчас, – в который раз буркнул Мухин, не выпуская из угла рта потухшую сигарету и не подымаясь из-за стола. – Сказал буду, значит, буду.

– Когда же? – не выдержав, вылез из-под «москвича» шофёр, майка на спине мокрая, злой, задрал голову к распахнутому во двор окну. – Обещали ведь...

– Ты не видишь, у меня мозг дымится. Не хуже твоего мотора, – юриконсульт жилкомтдела, так и не отрывая глаз от бумаг, почесал за ухом. – Отчёт не сходится. Понимать должен, Антоха.

Антоха, худой, долговязый парень лет двадцати трёх, вытер ветошью грязные руки, с тоской оглядел пустой двор отдела горисполкома и полез в карман за сигаретами, потеряв всякую надежду. Он уныло подошёл к окну, заглянул в кабинет и заканючил:

– Ехать надо. Иван Петрович уже присылал секретаршу. И кассирша задёрнула, ей до обеда в банк успеть надо, зарплата сегодня, не забыли?

– Зарплата – это хорошо, Антоха, – оторвался от бумаг Мухин и улыбнулся шофёру. – Это всегда маленькое счастье.

– Ну вот. А я что говорю.

– Тебя десять минут устроят?

– Да тут толкнуть только. Она с оборота теперь заведётся, – шофёр чуть не плакал. – Когда новую дождусь? Одно старьё с чужого плеча...

– Не горюй. Будет у тебя новый драндулет, – юрист, крепкий здоровяк спортивного вида, выскочил из-за ненавистного стола, разминаясь, упруго присел несколько раз, поиграл мощными бицепсами и, приняв боксёрскую стойку, двинулся к окну, изобразив угрожающую физиономию. – Только вот тебя, Антоха, это не изменит. Скорее, наоборот.

– Это почему же? – надул тот губы и юркнул от окошечка на безопасное расстояние.

– Как куда подвезти, так ты занят, – высунулся в окно юрист и успел потеревить шофёра за вихры. – А вот подтолкнуть твою колымагу или колесо отвалившееся подтащить, кроме меня, помощников нет.

– А откуда же им быть? – напыжился шофёр. – Вокруг одни юбки.

И физиономия его преобразилась: к женскому полу он питал нескрываемую слабость.

– Верочку-то катаешь, а ведь она тебе не помощница.

– Не касайтесь этого вопроса руками, Сергей Анатольевич. Умоляю!

– Вот, – поднял перед его носом вверх палец Мухин. – Значит, ты меня должен уважать и к просьбам моим, заметь, законным, относиться благожелательно. Понял?

– Так точно, Сергей Анатольевич! – дурачась, щёлкнул каблуками и вытянулся шофёр. – Куда пожелаете прокатиться?

– Так и быть, хитрец, поверю в последний раз, – захлопнул окно юрист и бодро двинулся на выход. – Жди. Я сейчас.

Не успел он выйти в коридор, как на него едва не налетела зардевшаяся от спешки секретарша из приёмной:

– Сергей Анатольевич, вас Иван Петрович спрашивает.

– Верочка, ещё бы секунда и валяться мне на полу.

– Ему ехать, а там...

– Что случилось?

Вместо ответа она развернулась и только аромат духов, обдавший его, остался лёгким напоминанием её присутствия.

– Мне ещё в гараж, предупредить Сенюшкина! – донеслось по коридору.

«Сроду здесь, словно на пожаре», – пожал плечами Мухин; заканчивался год его пребывания в жилкомотделе, но привыкнуть к ритму работы он не мог; отдел постоянно лихо-радило в приёмные для посетителей дни, тогда очередь желающих попасть к начальнику не умещалась и на двух этажах, народ стоял и толпился на улице, а некоторые заглядывали и в гараж, где их как могли развлекали оба шофёра, а в особенности Сенюшкин. Толчая с гомоном и руганью не заканчивалась до поздней ночи, хотя на помощь шефу бросались и его оба заместителя. Прежний юрисконсульт, преклонных лет, пересидевший все сроки в своей должности тучный старичок Шерстобитов, уходя на пенсию и передавая ключи Мухину, оглядел его нехилую фигуру, довольный, пожевал губами и всё-таки с сомнением напутствовал: «Здесь жить можно, если будешь придерживаться одного правила». Мухин не особенно переживал, его на это место пригласили, и он ещё прикидывал, прежде чем согласие дать. Но на старичка взглянул и возражать не стал, одно правило его устраивало, наострил уши, поступить по-своему он всегда успеет. «Слушайся главного, – почмокал губами старичок, напоминавший известного зиц-председателя Фунта из “Золотого телёнка”, – делай наоборот и никогда не ошибёшься». Загадкой звучали его пожелания. Мухин уже подумывал, в себе ли новоиспечённый пенсионер от свалившейся свободы, но тот заключил со значительным видом: «И не вскакивай в их колесо. Берегись превратиться в белку».

Главным, кого следовало слушаться, был начальник отдела Иван Петрович Хвостиков, проворный маленький человечек, никогда и нигде не сидевший на месте. Вместе с ним, будто по мановению волшебной палочки, неслось и скакало всё и все в отделе. Он обладал удивительной способностью заводить, заставлял суетиться и беспокоиться других, когда в короткие периоды оставался неподвижным сам. Но при всём этом постоянном беге люди, окружавшие Хвостикова, зачастую никуда не успевали, поступали не так, как следовало, отчего создавалась бестолковая суматоха, и всё шло наперекосяк. Но Хвостикова ценило и даже уважало начальство, держало на этом почётном месте и каждый год обещало повышение.

Со своим телосложением, весом под сто, а то и больше килограммов, Шерстобитов, даже если бы захотел, конечно, торопиться никак не мог, поэтому от него, гадал Мухин, отстали, а вот ему самому на первых порах пришлось туго. Он старался не забывать мудрых напутствий предшественника, но не всегда удавалось: захватывал, заражал общий пафос и азарт. Его тоже начинало закручивать в общую бестолковую круговерть, и тогда он цеплялся за вторую подаренную истину. «Здесь, как и в жизни, всё течёт, – сказал Шерстобитов, хитро прищуривая глаз, – пройдёт и это, не бери в душу». Где-то Мухин слышал эту расхожую мудрость, но вспомнить не мог, однако глубоким смыслом её проникся быстро: вся суета, закипавшая в отделе с утра и бурлящая до самого вечера, к ночи как пена оседала, и про неё дружно забывали уже к следующему дню, а утром начиналось новое, и прежние заботы никто не вспоминал. Они возникали потом, но уже как опять новые, незнакомые и образовывался своеобразный круговорот, которому не было ни конца, ни края, когда в ушах только: звонят! зовут! беги! неси!..

Когда постучавшийся в дверь Мухин появился на пороге кабинета, Хвостиков в шляпе стоял к нему спиной у окна, махал рукой кому-то во двор, удерживая под мышкой увесистую папку, то и дело заставлявшую его кривляться всем гибким позвоночником, чтобы не уронить, и кричал в телефонную трубку. Неискушённый человек мог подумать, что на другом конце провода постоянные проблемы со слухом, но Мухин-то уже привык и понял: шеф по-другому общаться просто не умел, хотя каждый раз надрывался до красноты. Впрочем, в отделе все кричали, это было ещё одной особенностью многих служащих горисполкома, похоже, их всех плохо слышали там, на других концах и они прибавляли обычные фразы: «Понял? Я всё сказал. И точка». Лишь в бухгалтерии, отмечал наблюдательный Мухин, женщины позволяли себе отступления. Они заканчивали монологи демократичнее: «Может

быть, у вас имеется своё мнение, но мы советовали бы вам подумать...» И многозначительная недосказанность, когда на бумаге ставится философское многоточие. Так говорила Нонна Станиславовна, главный бухгалтер, и остальные, но на полтона ниже.

– Ты понял? – бросив трубку, Хвостиков крутанулся на каблуках лицом к Мухину, видно, услышав его шаги. – Меня им подавай. Меня хотят видеть. Всем понадобился. И главное – враз.

– Горит? – по своему обыкновению спросил юрист; с некоторых пор он тоже решил выработать для себя набор впечатляющих фраз, здесь это ценилось.

– Хуже, – мрачно усмехнулся начальник и, поправив шляпу, заторопился к дверям. – Хоть разорвись, но успевай.

– Чем могу помочь, Иван Петрович? – стараясь всё же не подчиняться уже пышущей от шефа энергии, устоял на ногах Мухин, смекнув умолчать про шофёра.

– Антона мне уже не дождаться, – опередил его начальник, надвинув шляпу на глаза и пробежав глазами надпись на папке. – Я в горисполкоме другую машину выпросил. А ты, друг мой...

«Друг мой», «любезный», «уважаемый» тоже было одним из изобретений Хвостикова, но однажды он чуть не сгорел в обнимку с неким разозлившимся слесарем, облившим и себя, и его бензином и щёлкнувшим зажигалкой в вытянутой руке. Тот обезумел из-за того, что так и не дождался обещанной Хвостиковым квартиры. И возмутился, когда в очередной раз, выгоняя его из кабинета, не забыли назвать «уважаемым». Других поводов не было. Закончилось вполне мирно для Хвостикова и многострадального слесаря. Тот даже в кутузку не угодил – настоял тот же Хвостиков: он крови не любил. А вот с тех пор обращения типа «любезный», «мой друг» и тому подобные, исключил из своего лексикона. Дело было давнишним, вспомнил его тот же Шерстобитов по какому-то поводу при расставании, а сейчас Хвостиков вдруг оговорился, поэтому Мухин сначала даже не поверил, но всё же насторожился.

– Ты, мой друг, – внятно повторил Хвостиков, явно поглощённый уже новыми заботами, – поезжай-ка к Гремякину. Бывал там?

– Нет. Вот куда не успел, так не успел.

– И не спеши, – махнул рукой начальник. – Тебе ещё рано. Но сейчас надо. Гремякин меня только что по трубке бомбил.

– Что случилось-то? Может, завтра с утра?

– Поспешай. Времени у тебя в обрез. Разберёшься на месте, а к вечеру доложишь. Там у Гремякина какая-то гражданка бунт подняла.

– Это же на край света?

– Успеешь, – уже исчезал в дверях Хвостиков.

– Я Антона Сенюшкина возьму, – крикнул Мухин, бросившись следом. – Он обещал отремонтироваться.

– Смотри, чтоб не подвёл, – прозвучало из коридора.

Покуриив уже у себя на подоконнике и понаблюдав за шофёром, лениво умывавшимся у дверей гаража, а затем блаженно влетающим в сухую рубашку, Мухин собрал дорожный портфель, в который раз передёрнул плечами от негодования и двинулся из кабинета.

– Ну? – подступил он к присевшему возле автомобиля шофёру. – Исполни обещание.

– А толкнёшь? – обрадовался тот.

Драндулет не подкачал, завёлся сразу, и почти не коптил движок.

– Куда? – заблестел глазами водитель, за баранкой его было не узнать, теперь он мог нравиться девушкам, покорять их сердца и вообще был готов на любые подвиги. – Успеем за зарплатой вернуться?

– К Гремякину, – поморщившись вместо ответа, скомандовал юрист, залезая в кабину.

– На кладбище?! – чуть не вскрикнул тот и присвистнул, надвинув кепку на вихры. – Больше послать некого?

– Да не хоронить, – буркнул Мухин. – И не трясись заранее. Бузу там затеяли могильщики. То ли у них кто пропал, то ли ещё что? Если твоя колымага не подведёт, успеешь в банк.

– Раз в ней дело, не сомневайтесь, Сергей Анатольевич, – возликовал Антоха, и «москвич» рванул с места.

Глава III

Все похороны Матрёна старалась держаться рядом с вдовой, как та её и просила. Не отходила от Серафимы ни на шаг, оберегала как могла и от толчеи, и от слишком надоедливых. И на поминальном обеде в кафе поддерживала её и словом, и под локоток, да и до дома так вместе и добрались. В комнату вошли, уложила бедняжку, задремала та, вроде закрыла чёрные, истомившиеся, все в слезах глазоньки, а не унимается Матрёнино сердце, испереживалась она за соседку, боялась, как бы не повторился с ней тот припадок, не впала бы она опять в беспробудный сон. Запомнились и напугали её слова доктора «скорой», что повториться может несчастье и неизвестен тогда, непредвиден может быть конец, слабое вдовье сердце, настрадавшись, может разорваться.

Вот и мучилась Матрёна подле соседки, не сводила с неё перепуганных глаз, забавляла разговорами, развлекала чем могла, лишь бы не дать ей окончательно заснуть. Потерпеть бы так до вечера, а там ночь придёт, всё само собой может и обойдётся.

День достался обеим хлопотный, одно избавление, вздохнула Матрёна, предали тело страдальца Дмитрия Филаретовича земле, и похороны удались, и народа пришло попрощаться достаточно, и обедом не опозорились – всё по-людски. Матрёна перекрестила вдову, так и не открывавшую глаз, пожелала ей и себе так добром и завершить многострадальный день. Ей бы тоже пойти полежать, ей тоже досталось, годы-то не те, как прежде, а как уйдёшь?! Если бы знать, что обойдётся, а случись что, пока ее не будет?..

– Серафимушка!.. – тихонько позвала Матрёна. – Серафима! Ты не засыпай, милая, ты погоди, поговори со мной.

Вдова приоткрыла глаза, долго грустно вглядывалась в соседку ничего не выражающим взглядом, будто не узнавая, губами шевелила беззвучно.

– Глянь, глянь на меня, милая, – запричитала старушка. – Ты что же, не узнаёшь совсем?

Губы Серафимы зашевелились, и веки задрожали.

– Ты уж не пужай меня, Серафимушка, я – Матрёна. Ты не засыпай, не засыпай.

– Матрёна Никитична, – прошептала еле слышно вдова. – Сморило меня. Дай водички.

Мне сейчас лучше станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.